

ПРОСТИ ЗА ЛЮБОВЬ

ФЕДЕРИКО
МОЧЧИА

РИПОЛ КЛАССИК

Прости за любовь

Федерико Моччиа

Прости за любовь

«РИПОЛ Классик»

2007

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)

Моччиа Ф.

Прости за любовь / Ф. Моччиа — «РИПОЛ Классик»,
2007 — (Прости за любовь)

ISBN 978-5-386-14145-5

Роман от автора популярной трилогии «Три метра над небом». Алессандро тридцать семь лет, он успешен и богат, но личная жизнь не ладится. От него ушла любимая женщина, и мужчина тяжело переносит разрыв. Но однажды он на своем «мерседесе» сбивает скутер и таким образом знакомится с Ники, веселой и беззаботной семнадцатилетней девушкой. С этого момента их жизнь уже никогда не будет прежней.

УДК 821.131.1

ББК 84(4Ита)

ISBN 978-5-386-14145-5

© Моччиа Ф., 2007
© РИПОЛ Классик, 2007

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	13
Глава четвертая	17
Глава пятая	21
Глава шестая	24
Глава седьмая	28
Глава восьмая	30
Глава девятая	33
Глава десятая	34
Глава одиннадцатая	38
Глава двенадцатая	39
Глава тринадцатая	44
Глава четырнадцатая	48
Глава пятнадцатая	50
Глава шестнадцатая	53
Глава семнадцатая	55
Глава восемнадцатая	57
Глава девятнадцатая	64
Глава двадцатая	68
Глава двадцать первая	76
Глава двадцать вторая	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Федерико Моччиа

Прости за любовь

FEDERICO MOCCIA

Scusa ma ti chiamo amore

By agreement with Pontas Literary & Film Agency

Scusa ma ti chiamo amore © by Federico Moccia, 2007

© Н. В. Колесова,

перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2021

*Моему лучшему другу.
По которому я так скучаю.
Но который всегда рядом.*

Персонажи и события, описанные в романе, – плод авторского воображения. Любое совпадение с реальными фактами или людьми – чистая случайность.

*Дорогой мой друг, я пишу тебе: так я могу
хоть немного отвлечься.
И чем ты дальше, тем больше мое желание
писать тебе.*
Лучо Далла. Год, который наступит

*Не время что-то менять,
Просто расслабься и успокойся.
Ты еще молод, в этом твоя ошибка.
Ты еще многое должен узнать,
Найди себе подружку и успокойся.
Если хочешь, можешь жениться.
Посмотри на меня: я стар,
Но я счастлив.*

*Когда – то я был таким, как ты сейчас,
И я знаю, что это нелегко —
Успокоиться, когда ты нашел
Что – то, что у тебя получается.
Но не торопись, подумай,
Хорошо подумай обо всем, что у тебя есть,
Поскольку завтра ты все еще будешь здесь,
А твои мечты – нет.*

Кэт Стивенс. Отец и сын

Глава первая

Ночь. Волшебная ночь. Печальная ночь. Сумасшедшая, таинственная и безумная. После нее наступает другая ночь. И кажется, она никогда не закончится. На самом же деле иногда ночь кончается слишком быстро.

А это мои подруги. Ну и классные они у меня! Неутомимые, как Ондэ¹. Ни на минуту не затихают. Самое страшное, что случается, – это когда кто-нибудь из нас всерьез влюбляется.

– Эй, меня подождите!

Ники осматривает подружек с ног до головы. Они остановились на улице Джуоки Ист-мичи. Их крошечная Aіxam припаркована к обочине, стекла опущены, музыка – на полную громкость, а сами они изображают дефиле мод.

– Ну, давай, давай!

Олли как заведенная ходит взад-вперед по тротуару. Музыка включена на полную мощь, на Олли – солнечные очки по последней моде. Ни дать ни взять Пэрис Хилтон. Где-то вдали лает собака. А вот идет Эрика, наш главный заводила. Она достает четыре бутылки «Короны», приставляет крышки к краю ограды и, резко ударив по ним, открывает одну за другой. Вынимает из рюкзака лимон и разрезает на дольки.

– Эй, Эрика, а если тебя засекут с этим ножом? Он как, не больше четырех пальцев?

Ники, смеясь, помогает подруге. Она кидает по ломтику лимона в каждую бутылку пива, и – дзинь! – они громко чокаются, высоко подняв руки. И улыбаются друг другу и, мечтательно прикрыв глаза, пьют свое пиво. Ники допивает первая. Глубокий вздох, и вот она снова в форме. Классные у меня подруги; она вытирает рот. Здорово, когда есть на кого положиться. Она слизывает последнюю каплю пива.

– Девчонки, вы просто супер... А знаете что? Мне хочется любви.

– Скажи лучше – тебе хочется трахаться.

– Какая же ты пошлая, – вступается Дилетта, – она сказала, что хочет любви.

– Да, любви, – повторяет Ники, – тайны, волшебства; тебе этого не понять...

Олли пожимает плечами.

Да, думает Ники. Я хочу любви. Но мне всего лишь семнадцать, в мае будет восемнадцать. Время еще есть...

– Подождите, подождите, теперь я выступаю, эй...

И Ники грациозно скользит по тротуару – по этой импровизированной ковровой дорожке, а подруги, свистя и хохоча, веселятся, глядя на эту удивительную, великолепную пантеру, которая пока еще ни на кого не спикировала.

– Любовь моя, ты дома? Извини, что не предупредил...

Алессандро входит и осматривается. Он пришел специально, чтобы увидеть ее, но в то же время боясь застать ее не одну. Слишком давно они не занимались любовью. А когда нет секса, часто это означает одно: появился кто-то третий. Алессандро обошел весь дом: никого; более того, пропали кое-какие вещи. Господи, неужели воры? На столике – записка. Ее почерк.

«Алексу. Я тебе в холодильнике оставила немного еды. Звонила в офис, хотела предупредить, но мне сказали, что ты уже ушел. Может, ты хотел застукать меня. Нет, к сожалению, застукать меня не с чем. Я ушла. Ушла, и все тут. Прошу тебя, не ищи меня, по крайней мере первое время. Спасибо. Уважай мои решения, как я всегда уважала твои. Елена».

¹ В итальянском тексте: ONDE – волны и одновременно аббревиатура имен четырех подруг – Олли, Ники, Дилетты и Эрики. (Здесь и далее примеч. пер.)

Нет, Алессандро кладет записку обратно на стол, никаких воров не было. Это она. Это она украла мою жизнь, мое сердце. Это она-то говорит, что всегда уважала мои решения. Да какие там решения? Он проходит из комнаты в комнату. Шкафы пусты. Какие решения? Даже в квартире я никогда по-настоящему не был хозяином.

Алессандро замечает мигающий автоответчик. Может, передумала? Решила вернуться? Полный надежды, нажимает на кнопку.

«Привет, как ты? Давно тебя не слышно... Так не годится. Почему бы вам с Еленой как-нибудь вечером не зайти к нам поужинать? Мы были бы очень рады! Позвони мне, как сможешь, пока!»

Алессандро стирает сообщение. Я бы тоже был рад, очень рад, мама. Но, боюсь, теперь придется ходить к тебе на ужин одному. А ты будешь выпрашивать у меня: ну когда же вы с Еленой поженитесь? Чего вы ждете? Смотри, как здорово, – у твоих сестер уже детки. А ты, когда же ты нам подаришь внуков? А я даже не знаю, что ответить. Наверное, не решусь признаться, что Елена ушла. И что-нибудь сокру. Врать маме. Это, понятно, очень плохо. К тому же когда тебе тридцать шесть, в июне будет тридцать семь... Действительно, очень плохо, что тут скажешь...

Часом раньше.

Стефано Маскани аккуратен почти во всем. Но только не со своей машиной. Audi 4 Station Wagon, набирая скорость, входит в поворот в конце улицы Гольф и въезжает на Джуоки Истмичи. На заднем стекле красуется сделанная кем – то надпись: «Помой меня. У слона задница и то чище». А на боковом стекле: «Нет, лучше не мой меня. Я обрасту мхом, и ты положишь его в рождественские ясли». Остальной кузов настолько запылен, что лишь кое-где проблескивает серебристый металл. С задней полки сползла папка, набитая бумагами, пластиковая бутылка упала и закатилась под переднее сиденье и теперь находится в опасной близости к сцеплению. Обертки от карамелек высовываются из пепельницы и сияют всеми цветами радуги. Не очень-то романтично.

Вдруг в багажнике раздается глухой звук. Черт, упал, так я и знал. Вот блин. Не могу же я ехать к ней в такой машине. Карлотта сразу вызовет дезинфекторов и больше не захочет иметь со мной дела. Некоторые люди утверждают, что машина – зеркало ее владельца. Как собака.

Стефано подъезжает к мусорным бакам и выключает мотор. Быстро выходит из машины. Открывает багажник. Его ноутбук почему-то перевернут: наверное, на повороте выскочил из открывшейся сумки. Он вынимает его, осматривает со всех сторон: кажется, цел. Только болтик на мониторе немного ослаблен. Ладно, все не так страшно. Он кладет его в сумку. И снова садится за руль. Оглядывает салон. Кривит рот: из заднего кармана соседнего сиденья торчит огромный полупустой мешок из супермаркета с остатками провизии, купленной в субботу. Стефано вытаскивает его и быстро бросает туда все, что попадает ему под руку. Набивает мешок доверху. Потом выходит, снова открывает багажник, вынимает ноутбук и ставит его у мусорного бака. Убедившись, что он не качается, принимается доставать из багажника ненужные, давно забытые там вещи. Старый мешок, чехол для дисков, три банки из-под пива, сложенный зонт, пустая обувная коробка, сваленный шарф. Набив мешок, идет к бакам. Разумеется, надо выбрать подходящий... Стекло, пластик, бумага, утильсырье. Ну и ну. Какие они правильные тут. И куда все это бросить? У меня здесь все перемешано. Так. Вот тот серый, похоже, то, что надо. Стефано подходит и нажимает ногой на педаль. Крышка резко открывается. Ящик набит под завязку. Стефано пожимает плечами, закрывает его и ставит мешок на землю. Садится в машину. Снова оглядывается по сторонам. Вот так-то лучше. Хотя нет, надо бы еще на мойку заехать. Он смотрит на часы: нет-нет, слишком поздно, Карлотта уже ждет. А на первое свидание опаздывать нельзя. Стефано закрывает багажник, снова садится за руль и заводит мотор. Вставляет диск. Рахманинов, Третий концерт для фортепьяно с оркест-

ром. Отлично. Теперь все прекрасно. Когда Карлотта увидит, что я слушаю Третий концерт Рахманинова, она выпадет в осадок. Сцепление. Первая скорость. Газ. Он трогается с места. Классная ночь. И машину он водит тоже классно.

Двухцветный кот с любопытством выглядывает из кустов. Дождавшись, когда машина скроется из виду, одним точным прыжком он оказывается у мусорных бачков и, мягко ступая, неторопливо начинает их исследовать. Что-то привлекает его внимание. Он подходит ближе. И, потираясь боком о край контейнера, принюхивается. Он уже несколько раз обошел ноутбук и один раз даже оцарапал ухо о его край. Вот уж действительно какой-то странный мусор.

Из колонок маленькой Aіxam несется музыка.

– А теперь Наоми!

– Сейчас я вам покажу!.. – Ники улыбается, Дилетта отпивает глоток пива.

– Слушай, тебе и впрямь надо было бы пойти в модели.

– Еще годик, и она растолстеет...

– Олли, ну что ты все подначиваешь... Тебе не в кайф, что у меня так классно получается?

Да ладно тебе, мы же знаем, что все равно лучше всех эта, как ее?..

– Алекс Джонсон.

– Ух ты, да у нас сегодня просто классное дефиле получилось! Смотрите, я тоже иду... –

И Олли вышагивает по тротуару, поставив руку на правый бок, останавливается, чуть согнув ногу и уставившись прямо перед собой. Потом разворачивается, быстрым движением отбрасывает назад волосы и идет обратно.

– Ой, ты прямо профи! – Девчонки хлопают в ладоши.

– Модель номер четыре, Олимпия Крочетти!

И они начинают петь песню Алекс Джонсон, кто лучше, кто хуже, кто-то действительно знает слова, кто-то просто подпевает: «I know how this all must look / Like a picture ripped from a storybook / I've got it easy / I've got it made...» Они допивают пиво.

– Валентино, Армани, Дольче и Габбана, все, показ закончен. Если захотите дать мне заказы, вы знаете, где меня найти! – Олли раскланивается перед всеми Ондэ. – Слушайте, мне тут надоело, давайте куда-нибудь двинем!

– Поехали в Эур² ну или там, не знаю, в «Аляску»³. Да, давайте что-нибудь замутим!

– Да мы уже и так замутили! Нет, девчонки, мне надо домой. Завтра у меня опрос: не подготовлюсь – мне крышка. Мне нужно на пятерку с половиной вытянуть⁴.

– Ну что ты за зануда! Мы же не допоздна! И потом, ты же можешь завтра пораньше встать и все быстро повторить, ведь так?

– Нет, мне нужно поспать, я уже три вечера из-за вас поздно прихожу, а я ведь не железная!

– Вот именно, тебя ткнешь – и ты развалишься! Ну ладно, иди куда хочешь, а мы поедем. Завтра увидимся!

И вот они расходятся: кто куда. Три подружки отправляются навстречу приключениям, четвертая – домой. На тротуаре так и остались стоять четыре бутылки, пустые, как ракушки, выброшенные на пляж приливом. Смотрите-ка, какой после себя бардак оставили... Ну ладно, я тоже что-то разворчалась... И она собирает бутылки. Оглядывается. Невдалеке, освещенные фонарями, выстроились в ряд мусорные бачки. Хотя бы есть зеленый для стекла. Да уж, народ пошел... никакого порядка. Посмотрите-ка, сколько полиэтиленовых мешков разбросано... неужели так трудно разделять мусор? Неужели непонятно: будущее планеты в наших руках?

² Район на юге Рима.

³ Кафе-мороженое в Риме.

⁴ В итальянских школах десятибалльная система.

Она бросает бутылки в круглое отверстие бачка. А пробки? Куда, интересно, их надо бросать? Они-то не стеклянные... может, туда же, куда и жестянки? Вообще-то могли бы повесить таблички сверху. С красивыми рисунками. Так, пробки сюда. Она закрывает крышку и давится от смеха. Какая там у Граучо⁵ шутка была? Ах да...

«Пап, там мусорщик пришел!» – «Скажи ему, что нам ничего не нужно!»

Точным броском она кидает еще и конверт, выпавший из контейнера. И тут видит его. Медленно подходит ближе. Не может быть. Именно то, что мне нужно. Вот что значит любить порядок.

Немного позже. Ночь. Резко тормозит машина. Из нее выскакивает водитель и смотрит по сторонам. Он похож на героя вестерна. Разве что только стрелять ему не придется. Он внимательно осматривает землю рядом с баком. Заглядывает сзади, сверху, снизу, осматривает сантиметр за сантиметром. Нет. Его больше нет. «Не может быть. Не может быть. Здесь никто никогда не убирает, никому нет дела до мусора, он валяется здесь веками. И надо же, именно сегодня сюда занесло какого-то гребаного чистюлю... Да еще и Карлотта дала от ворот поворот: она, видите ли, уже влюблена. В другого...»

Но Стефано Маскани еще не знает, что благодаря своей потере однажды он станет самым счастливым на свете.

⁵ *Граучо* Маркс (1890–1977) – американский комик.

Глава вторая

Спустя два месяца. Или около того.

Поверить не могу. Просто не могу поверить. Алессандро меряет шагами квартиру. Вот уже два месяца прошло, а он все понять не может. Елена меня оставила. И самое ужасное – она сделала это без всякой на то причины. По крайней мере, мне она эту причину так и не объяснила. Алессандро высовывается из окна и смотрит на улицу. Звезды. Какие красивые. Сияют себе в ночном небе. Такие далекие. Проклятые звезды. Он выходит на террасу. Все отделано деревом, железные решетки, в углах – великолепные старинные вазы. Легкие длинные занавески дымчатого цвета, сквозь них здорово смотреть на восход и закат солнца.

– А-а-а-а, – неожиданно у Алессандро вырывается дикий крик, – а-а-а! – Где-то он читал, что в таких случаях надо выкрикаться.

– Эй, ты там, заканчивай! – Какой-то тип высовывается с террасы напротив. Резко присев, Алессандро прячется за кадкой с жасмином. – Ну, так ты закончишь там, нет? И нечего прятаться, мы же не в кошки-мышки играем!

Алессандро чуть отодвигается, прячась в тень.

– Бляха, я все равно вижу тебя, слушай, я тут кино смотрю, если хочешь поорать, иди прогуляйся...

Тип возвращается в квартиру и громко задвигает жалюзи, а потом еще и занавески задерживает. И снова наступает тишина. Алессандро, все так же пригнувшись, тихо проходит в комнату.

Апрель. Сейчас у нас апрель. И что-то нервы расшатались. А тут еще этот жлоб... Я устроил себе аттик над квартирой, и надо же! – единственный в округе жлоб оказался напротив меня. Звонит домашний телефон. Алессандро перебегает через гостиную и с надеждой устремляется к телефону. Гудок. Еще один. Включается автоответчик. «Это номер 0680854...» и дальше: «Оставьте ваше сообщение...» А вдруг это она? Алессандро нетерпеливо придвигается к автоответчику. «...после звукового сигнала». Он закрывает глаза.

«Алекс, милый, это я, мама. Да что это с тобой? Ты даже на мобильник не отвечаешь».

Алессандро идет к дверям, надевает куртку, берет ключи от машины и «моторолу». И, не дослушав сообщение от матери, захлопывает дверь.

«Ну, так что? – продолжает звучать голос в автоответчике. – Почему бы на следующей недельке тебе не прийти к нам поужинать? Может, с Еленой зайдете? Я тебе уже говорила, мне было бы приятно... Мы уже столько времени не виделись...»

Но слова эти повисли в воздухе: он уже стоит перед лифтом. Не могу я признаться матери, что мы с Еленой расстались. Маразм какой-то. Двери лифта открываются. Он заходит и улыбается своему отражению в зеркале. И нажимает на кнопку. В таких случаях немного иронии не повредит. Скоро мне тридцать семь, а я снова один. Странно. Другие мужики только о том и мечтают. Снова стать холостыми и развлечься на все сто. Или начать новую любовную историю. Да уж. Но, сам не знаю почему, мне это как-то не катит. Что-то мешает. Последнее время Елена была какой-то странной. Может, у нее кто-то появился? Нет, она бы сказала. Ладно, неохота об этом думать. Вот почему я ее и купил. Дррррн! Алессандро заводит свою новенькую машину. Mercedes-Benz ML 32 °Cdi. Последняя модель. Новый джип, блестящий, без единого пятнышка, – он купил его месяц назад, чтобы заглушить боль, причиненную Еленой. Вернее, чтобы подавить «жестокое презрение», которое его тогда охватило. Алессандро трогается. И вдруг в голове его всплывает одно воспоминание. Это был их последний вечер. Они собирались пойти в кино, и, когда за минуту до выхода Елене кто-то позвонил, она сбросила вызов. И с улыбкой объяснила: «Это по работе. Не хочу отвечать...» А я улыбнулся ей в ответ. Какая у Елены была чудная улыбка... Почему – была? У нее чудная улыбка. И он через силу улыба-

ется. А машина на полной скорости вписывается в поворот. И снова в голову приходит воспоминание. На этот раз – покруче. Ему врезался в память тот их разговор. Черт, прямо как будто это было вчера.

Однажды вечером, через неделю после того, как Алессандро обнаружил ту злополучную записку, он вернулся домой чуть раньше обычного. И застал ее дома. Полный радостной надежды, он улыбнулся ей и счастливым голосом произнес:

– Ты вернулась...

– Нет, я просто зашла по пути.

– И что теперь?

– Я ухожу.

– Как это – уходишь?

– Так – ухожу. Послушай, Алекс, так будет лучше, поверь мне.

– А как же наш дом, наши вещи, фотографии наших путешествий?

– Я все это оставляю тебе.

– Я имел в виду – как ты могла все это забыть!

– Я не забыла, зачем так говоришь?

– Потому что ты уходишь.

– Да, ухожу, но я ничего не забыла.

Алессандро встает. Обнимает ее и прижимает к себе, даже не пытаясь поцеловать: это было бы слишком.

– Прошу тебя, Алекс... – Елена закрывает глаза и высвобождается из его объятий. Вздыхнув, она говорит: – Прошу тебя, Алекс...пусти меня.

– Но куда ты уходишь?

Уже в дверях Елена бросает на него последний взгляд.

– У тебя есть другой мужчина?

Елена, покачивая головой, горько усмехается:

– Ты, как всегда, ничего не понял, Алекс... – и закрывает за собой дверь.

– Надо просто немного подождать, слышишь? Останься, черт возьми, не уходи! – Слишком поздно. За дверью – мертвая тишина. – Блин! Ты заслужила мое жестокое презрение! – кричит он ей вслед. И сам не понимает, что это за фраза такая. Жестокое презрение. Да уж. Это вырвалось само собой, просто чтобы выкрикнуть что-то ей вслед, что-то обидное, какую-нибудь эффектную фразу, с каким-то подтекстом. Которого на самом деле нет.

Еще один поворот. Нет, эта машина просто класс, ничего не скажешь. Алессандро ставит диск. Поворачивает ручку громкости. Ничего не поделаешь: когда в нашей жизни чего-то не хватает, надо эту пустоту чем-нибудь заполнить. Хотя, когда уходит любовь, заполнить ее нечем.

Глава третья

В тот же час, в том же городе, только чуть дальше.

– Отойди, дай посмотреть, как он на мне сидит!

– Да не смеши ты меня! Ты похожа на Чарли Чаплина!

Олли, в синем отцовском костюме размеров на пять больше, прохаживается взад-вперед по ковру в комнате матери.

– Да ладно! Он на мне сидит лучше, чем на отце!

– Перестань! У него всего лишь небольшой животик...

– Небольшой?! Да он на моржа из мультика похож! Вот, смотри, какие брюки, – и Олли, взявшись за пояс, далеко оттягивает его на талии. – Да это же мешок Санта-Клауса!

– Здорово! Доставай нам оттуда подарки! – и Ондэ быстро окружают ее, делая вид, что пытаются что-то там обнаружить.

– Да хватит вам, щекотно же! Вы плохо вели себя в этом году, поэтому вам полагаются только головешки! Разве что Дилетта заслужила карамельку, она хотя бы старается!..

– Олли!

– Уф, да что же ты надо мной все время насмехаешься – это потому что я не пляшу под твою дудку? Хотя бы один нормальный человек остался!

И они, хохоча, все вместе падают на кровать.

– А знаете, что все началось именно здесь?

– В смысле?

– В смысле что у вас есть такая подруга, как я!

– То есть?

– Однажды чудным летним вечером, чуть больше восемнадцати лет назад, мои родители решили, что в их жизни чего-то такого не хватает, ну, какой-то встряски, и тогда они – хоп! Прыгнули на эту кровать и пустились во все тяжкие!

– Очень красивые выражения выбираешь, Олли, рассказывая о любви!

– Фи! Какая еще любовь? Называй вещи своими именами! Секс! Здоровый секс!

Дилетта, в обнимку с подушкой, сидит на кровати.

– Комнатка что надо, и кровать очень удобная... Вон, смотри, какие у тебя предки молодые и красивые на той свадебной фотографии!

Эрика сжимает Ники горло, делая вид, что хочет ее задушить.

– Согласна ли ты, Ники, взять в законные супруги отсутствующего здесь Фабио?

Ники шутливо ее отталкивает:

– Нет!

– А кстати, девчонки, как у вас ЭТО было в первый раз?

Все разом поворачиваются к Олли. Переглядываются. Дилетта сразу становится серьезной, Олли улыбается:

– Ой, можно подумать, я у вас спросила, не убивали ли вы кого-нибудь! Ну ладно, тогда я сама начну, чтобы вы расслабились. Олли с самого детства была не в меру развита. Уже в детском саду она прямо в губы поцеловала своего одноклассника Иларио – а у того все лицо было покрыто прыщами, как вулканами...

– Ну и гадость, Олли!

– Да что такого-то? Мне он нравился, мы с ним с горки ездили наперегонки. Потом, в начальных классах, у меня был Рубио...

– Рубио? Где ты таких находишь?

– Это что, имя такое?

– Да, имя! И неплохое, кстати. Так вот. Этот Рубио был просто класс. Наша история длилась два месяца, от звонка до звонка.

– Понятно, Олли. Ты просила рассказать про первый раз, а сама детскими историями нас развлекаешь. – Это вмешалась Ники, забираясь с ногами на кровать.

– Ну да. Просто я хотела показать вам, что такие вещи проявляются уже в раннем детстве! А теперь хотите что-то покруче? Готовы услышать историю из «Playboy»? Мой первый раз случился три года назад.

– В пятнадцать лет?

– Ты что, потеряла невинность в пятнадцать лет? – Дилетта смотрит на нее, раскрыв рот от удивления.

– Ну да, а что мне оставалось? Есть вещи, которые приятнее потерять, чем найти! Короче, однажды после школы я... Этот Паоло, он был старше на два года. Такой мачо, невозможно устоять. Он украл у отца машину, чтобы прокатить меня.

– Ах да, Паоло! Ты нам не говорила, что у тебя первый раз был с ним!

– Так он в семнадцать лет уже водил машину?

– Ну, в общем, он уже умел водить. Короче, это была суперская Alfa 75, красная, с бежевыми кожаными сиденьями.

– Ух ты, шик какой!

– Ну. Но круче всего был он сам. Я ему ужасно нравилась. Мы поехали на Аппиеву дорогу и там как-то припарковались. Короче, там все и случилось. Он даже сказал, что у меня здорово получается, а я ведь вообще ничего не знала... то есть я, конечно, смотрела однажды порнуху с двоюродным братом, когда мы ездили на море, но одно дело смотреть, а другое – делать.

– Но ведь в машине – это не в кайф, Олли, блин, ведь это же первый раз. Тебе разве не хотелось, ну не знаю, – музыки, волшебной ночи, комнаты со свечами...

– Ага, как у покойника! Эрика, это просто секс! И неважно, где ты им занимаешься!

– С ума сойти. – Дилетта по-прежнему сжимает в объятиях подушку. – То есть я, например, никогда бы... это же твой первый раз! Ты всю жизнь его будешь помнить!

– Ну да, если твой первый парень ничего не умел, ты все забудешь, забудешь раз и навсегда... А если будет такой, как Паоло, ты его навсегда запомнишь! Я почувствовала себя с ним самой красивой на свете!

– А потом?

– Потом? Через три месяца все закончилось. Ты что, не помнишь? После него у меня был Лоренцо, понятное дело, Великолепный... Ну, тот, что плавал на каноэ.

– Да с тобой со счета собьешься...

– В общем, я вам рассказала. А как у вас было? Начинай, Эрика.

– У меня все было более классически, и, конечно, с Джо!

– Классически – в смысле в позе миссионера?

– Олли, да нет же, в смысле, что Джо снял недорогую комнатку в пансионе «Antica Roma», на Яникульском холме... Помнишь, Ники, мы туда еще потом поселили тех двух англичанок, что приезжали по обмену, а твой брат не захотел принимать их дома?

Неожиданно дверь в комнату открывается. На пороге стоит мама Олли.

– Мама, ну что ты! Выйди немедленно! Ты разве не видишь – у нас собрание?

– У меня в комнате?

– Но тебя же не было дома, извини, когда тебя нет, это такое же свободное пространство, как и все остальные, правда же?

– На моей кровати?

– Ну да, она такая удобная, и, когда я сижу на ней, думаю о тебе и папе и чувствую себя в безопасности... – Лицо Олли принимает самое умильное выражение, на какое она способна. По правде говоря, оно еще и нахальное.

– Ну да... потом расставь все по местам и складки на покрывале разгладь. В следующий раз собрания устраивайте в подполье, как революционеры. Девочки, до свидания. – И мама Олли выходит с недовольным видом.

– Короче, теперь я поняла, почему ты тогда предложила «Antica Roma», ты все повторяла, как там классно! Ты сама все проверила!

– Ну конечно! В общем, мы отправились туда к пяти часам, и он все классно устроил.

– А разве несовершеннолетним разрешают снять комнату?

– Ну, не знаю; он просто играл в футбол с сыном хозяйки, и тот ему помог.

– А-а-а.

– Это было прекрасно. Сначала мне было немного страшно и Джо тоже, потому что у него это тоже было в первый раз, и у нас все как-то неловко получалось, но в конце концов все пошло естественно... Потом мы заснули, и даже есть не хотелось. Это было в тот день, Олли, помнишь, я сказала тебе, что, типа, осталась у тебя ночевать, чтобы подготовиться к выступлению, помнишь? А утром мы суперски позавтракали, и к часу я уже была дома. Родичи ничего не заподозрили. Мне так классно было потом: легко как-то, и чувствуешь себя взрослой, и кажется, я никогда не смогу с ним расстаться...

– Ну да, как же, не сможешь с ним никогда расстаться... – злобно ухмыляется Олли и тут же получает пинок от Дилетты. – Ой, да что такого я сказала?

– У тебя вечно какие-то намеки.

– Да ты что, я всегда чистую правду говорю, никаких намеков. А ты, Ники? У тебя было с Фабио? Когда выступали рэперы?

– Ну, в общем, да... С ним. Когда выступали рэперы, да. У него дома, его предки были тогда в отпуске. Это случилось десять месяцев назад, после его концерта в одном ресторанчике в центре. Он был на седьмом небе от удачного выступления и от того, что я с ним. Он тоже все приготовил заранее... в гостиной – полумрак, два бокала с шампанским. Между прочим, я впервые его тогда попробовала. Очень вкусно. И тихо звучали его последние клипы. Для него, похоже, это было не впервые. Он вел себя уверенно, но так, что я чувствовала себя в безопасности. Он говорил, что я – как лучшая на свете гитара, на которой можно играть без настройки, настолько гармония совершенна...

– В общем, обычные прибаамбахи! – Это снова Олли.

И тут повисает тишина. Дилетта еще сильнее сжимает в руках подушку. Ондэ смотрят на нее выжидающе.

– А я никогда еще этого не делала. Я жду человека, с которым я почувствую себя в трех метрах над небом, даже в четырех. Или пяти. Нет, шести. Я не хочу, чтобы это произошло случайно, и совсем не хочу, чтобы мы на следующий день расстались.

– Да при чем тут это? Ты хотя бы узнаешь, как чувствуешь себя после... здесь главное – любить друг друга, и все. И не думать о будущем.

– Ну и фразочка, Эрика!

– Да это же правда! Дилетте надо попробовать, ведь сколько парней за ней бегают! Целая туча!

– Да их пруд пруди!

– Слушайте, я бы хотела встретить одного. Единственного.

– Ну, уж один у меня точно для тебя есть!

– Кто?

– Ванильный рожок с кокосом! Ондэ, вперед!

– У меня есть идея получше... Никто из вас такого еще не пробовал.

– А что это?

– Совсем не то, что вы подумали... Это кое-что совсем новое... Идите за мной!

Олли спрыгивает с кровати и выходит из комнаты. Ники, Эрика и Дилетта, переглянувшись, ее догоняют. И разумеется, никому не пришло в голову разгладить складки на покрывале.

Глава четвертая

Огни в городе еле светят. Когда у тебя плохое настроение, все кажется не слава богу, все предметы приобретают какие-то новые очертания. Становятся другого цвета, меняют форму и объем, и от всего воротит. Алессандро медленно едет по городу. Олимпийская деревня, площадь Эуклиде – он делает большой крюк, – корсо Франча. Он смотрит по сторонам. Бросает рассеянный взгляд на мост. Подумать только, сколько идиотов на свете. Обязательно надо что-нибудь написать на мосту, испортить перила. Вот, например: «Булочка моя, я тебя люблю». Ради чего все это? Из любви... Любовь... Вот, попросите Елену рассказать вам о госпоже Любви. Эй, госпожа Любовь, куда вы запропастились?

В темном углу моста стоят, обнявшись, двое. Влюбленные голубки. Алессандро гудит им и, открыв окно, кричит: «Давайте – давайте, наслаждайтесь жизнью, пока один из вас не устроил кидалово!» – и со всей силы давит на газ, несется вперед, обгоняя пару – тройку машин и проскочив на желтый свет. Вниз по корсо Франча, а потом по виа Фламиния, но у следующего светофора замечает машину карабинеров. Красный свет. Алессандро останавливается. Двое карабинеров спокойно болтают: один – по телефону и все время смеется, второй – с какой-то девицей. Может, остановил ее для проверки документов, а может, это его подруга, она пришла сюда, зная, что он сегодня дежурит. Но тут этот второй чувствует, что за ним наблюдают. Он поворачивается к Алессандро. Смотрит на него. В упор. Алессандро медленно поворачивает голову, делая вид, что его очень интересует, не поменялся ли свет на светофоре. Нет, все еще красный.

– Извините... – Дррр. Дрррр. Рядом останавливается скутер, на нем сидит парень и сзади – девушка с длинными волосами. У него накачанные мускулы, проступающие сквозь плотную голубую майку. – У меня к тебе есть вопрос.

Алессандро высовывается из машины.

– Да, слушаю.

– Просто ты что-то орал нам, когда мы стояли на мосту рядом с корсо Франча: так что тебе было надо?

– Да нет. Извини, вы не так поняли. Это я кричал одному типу, который еле полз впереди.

– Да ты, лох, не делай из меня идиота, понял, нет? Никого там перед тобой не было, и благодари Бога, что тут карабинеры, и в следующий раз не выпендривайся, а то плохо кончишь... – Он не дожидается ответа и, посмотрев на светофор, где зажегся зеленый, сильно газует и исчезает из виду.

Алессандро потихоньку трогается. Карабинеры по-прежнему заняты своими делами: один, выкурив сигарету, берет у девушки жвачку, второй закрыл телефон и сел в машину, перелистывая какой-то журнал. Они ничего не заметили.

Алессандро едет дальше. Потом разворачивается и возвращается. Карабинеров больше нет, и девица куда-то девалась. На ее месте стоит другая и ждет автобус. Она чернокожая, и ее можно было бы не заметить в темноте, если бы не розовая майка со смешным пупсиком на груди. Но даже он не вызывает у Алессандро улыбку. Он по-прежнему едет медленно, ставит другой диск. Иногда лучше довериться слепому случаю. Какая все же классная эта тачка. Просторная, красивая, элегантная. Музыка, несущаяся из нескольких колонок, заполняет пространство. Все просто великолепно. Но к чему все это великолепие, если ты один и никто этого не оценит? Никто не разделит твою радость, никто не сделает комплиментов, никто не позавидует.

Играет музыка. «Я хотел бы быть платьем, что ты наденешь, помадой, которой на красишь губы, я хотел бы всегда видеть тебя во сне, а когда ты встречаешься мне на пути, мне становится грустно, потому что сразу думаю, что скоро ты уйдешь...» – поет Лучо Далла. Песня попалась

случайно, но режет как по живому. Неплохая могла бы быть реклама для кредитной карты: «У тебя есть все, но нет ее».

Алессандро переключает канал: сейчас я готов слушать что угодно, только не это.

Набережная Тибра. Лунготевере. И снова набережная. Он увеличивает громкость и теряется в потоке машин. Но на светофоре Алессандро останавливается, а за ним тормозит миникар. Из окон несется громкая музыка, прямо как на дискотеке. На переднем сиденье – две длинноволосые девушки: блондинка и брюнетка. У обеих на глазах огромные солнечные очки – писк моды семидесятых годов, – выглядит странно, ведь сейчас поздний вечер. У одной на носу малюсенький пирсинг. Другая курит сигарету. Сидят молча. Зеленый свет. Поехали.

«Мерседес» останавливается у Сант-Анджело. Алессандро выходит и идет по мосту. Вокруг – туристы: много молодых – болтают бездумно, сидят в обнимку, любуются Римом, просто расслабляются оттого, что не на работе. А вот пара постарше: оба длинноногие, с короткими волосами, в ушах – iPod, в руках – мятая карта. Алессандро останавливается, с ногами усаживается на парапет и смотрит вниз. Течение медленное, бесшумное. Безмятежно плывет какой-то смятый пакет, а с ним наперегонки несется деревяшка. А на берегу из своих укрытий за этим наверняка наблюдают скучающие мышки.

Вот. Точно. Единственная важная на свете вещь – это найти в своей жизни истинный смысл. Даже если смысла никакого в ней нет. Вот именно. Не было бы меня, что бы особенного случилось? Алессандро задумывается. У меня нет особых отношений с семьей: они видят смысл только в его замужних младших сестрах. Значит, без меня одной печальной мыслью было бы меньше. А что, если вот так взять и прыгнуть вниз? Появится ли какой-нибудь ангел, чтобы объяснить мне смысл жизни? Именно в эту минуту чья-то рука хлопает его по плечу.

– Начальник?

– О боже, кто это?

– Это я, начальник. – Перед ним стоит бородач с грязными волосами и в засаленной одежде; не очень-то он похож на ангела. – Прости, начальник, я не хотел тебя пугать, а у тебя, случайно, не найдется двух евро?

Нет даже одного, думает Алессандро. Он открывает портмоне, вынимает банкноту в двадцать евро и протягивает ее бородачу. Тот, слегка удивившись, берет ее, крутит задумчиво в руках. Улыбнувшись, он произносит:

– Спасибо, шеф.

Ну, по крайней мере, успел что-то хорошее сделать, оставить по себе добрую память. И вдруг слышит:

– Да слушай, он же суперспортсмен, просто класс!

Алессандро оборачивается. С другого конца моста ему навстречу идут Пьетро, Сюзанна, Энрико и Камилла. Идут себе не спеша и улыбаются друг другу. Энрико держит под ручку Камиллу, а Пьетро идет немного впереди.

– Ну и что дальше? Ой, Алекс, а ты что здесь делаешь? Статистический опрос населения? Ты уже все слои опросил: хочешь стать победителем в конкурсе слоганов? Ты вот с ним разговаривал... – Пьетро оборачивается, чтобы убедиться, что тип уже отошел, – могу поспорить, что в следующем твоём ролике героем будет вот такой бородач!

– Да ладно, я просто здесь прогуливался. А вы? Где были, что делали?

– Да... Были в одном местечке.

– Тебе там не понравилось?

– Моя тетка и то лучше готовит!

– Ну, так она же у тебя сицилианка!

– В общем, мы пошли поехать в «Каприччи сичилиани» на виа ди Панико. Мы тебя тоже хотели позвать, но потом я вспомнил, что ты говорил, – сегодня у Алессии праздник, ну, твоей коллеги, я и подумал, что ты у нее.

– Точно! Я совсем об этом забыл.

– Ну ты даешь! Давай мы тебя проводим к Алессии.

– Не хочу я.

– Да ладно, по пути захочешь. Похоже, твой социально-культурно-экономический конфликт с помощницей портит ей жизнь.

– Да там у нее полно народу.

– Вот именно поэтому тебе и надо пойти. И потом, поскольку я, как адвокат, веду ваши дела, поэтому...

– Поэтому что?

– Поэтому я тебя провожу. – Пьетро подходит к Сюзанне. – Милая, ты не против? Видишь, в каком он настроении? Мне нужно пойти с ним вместе, у него что-то на душе... И еще мне надо поговорить с ним по работе.

Алессандро подходит к ним.

– Что там с душой? Что ты там сказал?

– Да ничего, ничего! Эй, а вы не хотите тоже пойти с нами?

Энрико и Камилла переглядываются, улыбнувшись друг другу.

– Мы что-то устали, пойдем домой.

– Ну как хотите. – Пьетро берет под руку Алессандро. – Пока, дорогая, я не поздно вернусь, не волнуйся. – И быстро тянет его вперед. – Давай быстрее, пока она что-нибудь не сказала. Она не в духе последнее время.

– А что ты ей только что сказал?

– Да ничего, просто придумал ерунду какую-то, чтобы показать, что тебе нужна психологическая поддержка.

– То есть?

– О боже, ну, я сказал ей, что у тебя что-то на душе беспокойно.

– Надеюсь, ты не сказал ей, что...

– Да не волнуйся ты так, такие адвокаты, как я, всегда имеют дело с обманом.

– А ведь это правда. Не хочу только, чтобы об этом узнали. Я только тебе это сказал.

– Ух ты! Это и есть твой новый мерс?

– Да.

– Значит, действительно с Еленой все кончено. Дашь прокатиться?

– Нет! Ну ты даешь: я тебе уже месяц назад сказал, а ты все не верил?

– Теперь у меня есть доказательство. Ты ведь сам недавно говорил, что ни за что не купил бы эту тачку. Помнишь? Надо что-нибудь новое купить, чтобы поднять себе настроение. Помнишь, я купил себе новый мобильник, потому что та молоденькая продавщица, Мануэла, дала мне от ворот поворот?

– А, да, вспомнил, ты мне рассказывал. Трудно уследить за всеми твоими похождениями. Эту Мануэлу, к примеру, я уже и не помню.

– А я тогда так и сделал, как ты сказал, мой великий учитель, я пошел тогда и – хоп! – купил себе супертелефон, последняя модель. И главное, купил я его в «Телефониссимо».

– А это-то здесь при чем? Насчет магазина я тебе никаких установок не давал!

– Именно там работает Мануэла! Она-то подумала, что это был просто предлог еще раз ее увидеть, а я, не будь дурак, еще пару раз ее поимел!

– Боже, да что ты за чудовище. У тебя два прекрасных малыша, красавица жена. Понять не могу эту твою сексуальную неутолимость, вечный голод, перенасыщение, тебе все равно где

и с кем, ты как бы борешься со временем и пытаешься завоевать всех женщин без исключения. Ну скажи на милость, почему тебе надо всех женщин сразу?

– Э, это психоанализ? Хочешь прокатать на мне какой-нибудь свой идиотский рекламный ролик? А ты, случайно, не воспользуешься моей историей в рекламе нового презерватива? Вот, мол, смотрите, этот типчик гуляет направо-налево и всегда имеет при себе коробочку с этими... как ты там говорил, они называются?

– Кондомами.

– Вот-вот. В общем, на самом деле неизвестно, что ему позволяет трахаться со всеми этими женщинами: его собственная храбрость или презерватив... неплохо, да? Только не забудь на кастинг моделей позвать меня, а уж мужиков сам отбирай.

– Непременно.

Пьетро садится на корточки перед «мерседесом». Именно в этот момент мимо проходит туристка, немолодая, но очень привлекательная: улыбнувшись, она говорит: «Итальянцы!»

– Ну ладно, хватит, давай садись!

– Да, кстати, это могло бы быть новой рекламой «мерседеса»!

Глава пятая

В тот же час, в том же городе, но немного дальше. Квартал Эур. Позади Луна-парка собрались молодые ребята: одни сидят в машинах, другие стоят, прислонившись к своим скутерам, третьи просто сидят на поребриках. Изредка в воздух улетают струйки сигаретного дыма. И наши веселые подружки Ондэ тоже здесь.

– Хочешь? У меня «Бум Шива». На, возьми одну!

– Нет, курить не хочется.

– Смотри, это же косяк, а не сигарета.

– Вот именно поэтому. – Ника слегка отталкивает подругу.

– Ну и что это значит? У тебя проблемы?

Теперь вмешивается Дилетта:

– Да это у тебя проблемы будут, если, чтобы развеселиться, ты куришь...

Ники пытается примирить подруг:

– Слушай, не приставай ты к ней.

– Да ты со всеми так, подумайте, какая крутая, вечно ссоришься.

– Я просто сказала, что не курю. Это она всех хочет под Марию подвести, не хватает только какой-нибудь религиозной секты Мадонны.

– Ну ты и зануда!

– Это я-то?

– А можно узнать, чего мы ждем?

– Да, ты сказала: большая новость, великая новость, а здесь что-то ничего такого не происходит...

– А ты действительно никогда не участвовала в ВВС?

– Это что, американский телеканал?

– Это BumBumCar. Вот, смотри, перчатки.

– Зачем они?

– Чтобы не оставлять отпечатков.

– Каких еще отпечатков, я же не состою на учете в полиции!

– Да, но если вдруг будут проверки, у тебя их возьмут, и тогда они совпадут.

– Да что будут проверять-то? Мои отпечатки? Зачем их будут проверять?

– Так. Теперь еще вот, возьми. – Она вынимает из кармана очки с резиновыми завязками.

– Да они ж для плавания!

– Так они не спадут, когда будешь ударяться. Знаешь, иногда даже стекла в окошках вылетают!

– Кретинка! Специально все это говоришь, чтобы страху на меня нагнать.

– Да ладно! Не ты ли говорила, что никогда ничего не боишься?

– Я говорила, что опросов не боюсь. А здесь – другое дело.

– Ха, молодцы, завтра посмотрим на первом уроке!

Дудудудуду. Какой-то странный раздается звук: то ли трубы, то ли старых клаксонов, почти антикварных, звук взрывается в ночной тишине.

– Вот они едут.

Неожиданно на площадку въезжают пять разных машин. Первая резко тормозит, другие более или менее повторяют маневр. Одна – «пятисотая», одна – «мини», потом – «Ситроен С32». И «лупо». И еще – «микро». Все они сильно газуют.

– Почему одни только маленькие машинки?

– Это то, что у нас было, ничего лучше найти не смогли.

– И сколько же вы заплатили за каждую?

– Да ерунду – по сотне евро за машину, мы их взяли у Манна, на вокзале Тибуртина, знаешь, того, что занимается кузовными работами?

– М-м-м...

– Они были уже готовы, без дверных замков, с подобранными ключами, полный улет!

– Тебе уже объясняли, как их подготовить?

– Конечно! Вот, мы уже шины связали.

– Ну, теперь поднимайте их на машины. И готовьте экипажи!

– Я еду с ним.

– А я – с тобой, можно?

В каждую машину берут по одной девочке. Все они возбуждены, полны адреналина, хохочут без остановки.

– Эй, в каждой машине едет только три человека, слышите, сзади – только одна!

– Я не поеду.

– Да ты что, дура, Ники?

– Нет, мне что-то неохота.

– А ты, Дилетта, как, тоже не едешь?

– Нет, вы просто сумасшедшие! Что это еще за BumBumCar?

– Это офигенная вещь, а ты зануда!

Две другие Ондэ, Олли и Эрика, вместе с другими девчонками садятся в машины. Из них несется громкая музыка.

– Так, вперед! А мы на вас ставки будем делать! Еще раз повторяю правила: выигрывает та машина, которая в конце останется на ходу! Ставки делятся так: половина – тому, кто на ней ездил, а другая половина делится поровну между теми, кто на нее поставил.

Какая-то девчонка громко кричит: «По местам!» Несколько парней быстро бегают между машинами, захлопывают дверцы и набрасывают сверху связанные парами шины. Шины падают вниз, подобно фантастическому седлу: так дверцы защищены от ударов. Насколько это возможно. Все та же девчонка в шортах с ярким свистком бежит по площадке, останавливаясь перед каждой из пяти машин. Потом вынимает из кармана красную бандану, вскидывает высоко вверх руку, словно крестная мать BumBumCar, резко ее опускает и с хохотом дует в свисток. «Старт!» – и отпрыгивает на поребрик. Машины, резко тронувшись, несутся вперед. «Пятисотка» наезжает на «микру», бьет ее, а ее саму уже атакует «мини». Темный «ситроен» быстро обгоняет и ту и другую, вдруг тормозит и, дав задний ход, бьет «лупо», разбив ему радиатор. Но тут подлетает «пятисотый» и сбоку атакует «микру», а шину на ней отбрасывает в сторону. Оба стекла разбиваются, девчонки, сидящие в машинах, кричат, верещат от восторга. И тут все замечают его. И поднимается крик.

– Эй, отойдите: это Фабио, ну и скорость!

«Микра» тормозит и снова со всей силы бьет «пятисотую». Стекло заднего окна разбивается на тысячу мелких осколков. Так оно и продолжается: машины резко трогаются, уносятся вперед, потом вдруг поворачивают назад и атакуют как бешеные. Бум! Снова удар по «микре» и «лупо». Бум! «Мини» втыкается в «пятисотую». Бум! «Мини» влетает в «микру», и снова – бум! Это «микра» задним ходом «делает» «ситроен». Глухой звук покореженного металла, звон треснувших стекол, отлетающие в стороны бамперы. А по бокам машин, как седла, подпрыгивают связанные попарно шины, некоторые из них уже отскочили и укатили к ногам зрителей на краю площадки. У «мини» и «микры» уже дымятся радиаторы, «пятисотая» – всмятку. «Лупо» – единственная машина, которой удастся еще сделать несколько рывков. Она что-то недовольно бормочет, медленно направляясь к центру площадки. С нее вдруг падает номер, и она останавливается.

– Ур а! Мы выиграли! – Ребята на краю площадки взрываются радостными криками. – Я так и знал, так и знал! «Лупо» не подвел! – кое-кто, у кого руки подлиннее, уже выхватил выигрыш и начинает его делить.

Из машин один за другим выходят герои-водители, причем некоторые выползают через окна задней двери. И сдергивают с глаз очки для плавания.

– Класс! Сколько мы выиграли?

– Эй ты, дели честно, не жульничай!

Фабио берет причитающиеся ему деньги и быстро пересчитывает.

– Не может быть: шестьсот евро! Здорово! Ники, приглашаю тебя на чудный ужин в знак примирения.

– Ты что, не понял? Сколько раз повторять: никакого ужина, мы уже не вместе.

– Да как же? Ты ведь сказала...

– Я тебе давала шанс неделю назад, и я уже тысячу раз тебе повторила: все кончено. Капут. Тема закрыта. Ауфвидерзейн. Мы расстались...

– Ну ладно, как знаешь. Эй, девочки, мы с Ники расстались!

– Да они уже давно знают.

– Значит, я снова на коне, еще и лучше.

Фабио кладет деньги в карман, садится на свой скутер и быстро уезжает. А остальные переглядываются, кое-кто пожимает плечами, и все принимают равнодушный вид. Олли подходит к Ники.

– Слушай, когда он так делает, он просто...

– Просто засранец!

Дилетта тоже подходит к ним.

– Слушайте, он же все деньги увез, ни с кем не поделившись.

– Ну, это же Фабио!

– Но ведь со своей командой принято делиться, разве нет? – Это Эрика.

Ники пожимает плечами:

– Я ведь тебе говорила сто раз, что Фабио – засранец; есть у кого-нибудь сигаретка?

Олли вынимает пачку, а Ники смахивает с майки Дилетты осколки стекол.

– Слушайте, кто меня подвезет домой, у меня завтра опрос?

– Ой, а что, вечер на этом закончился? – спрашивает Олли.

– Ладно, самое большее – можно еще по мороженому в «Аляске».

– У вас что, приступ безумия? Ну ладно, ладно, поедем.

– Но потом – серьезно – по домам, ладно? – говорит Дилетта. – После всего, что вы сделали, у вас еще кровь кипит.

– Хорошо, мамочка Дилетта. На самом деле у меня есть еще идея что надо, – говорит Олли, – можно пойти на супервечеринку!

Ники тянет за майку Дилетту.

– Нет, мороженое, и все.

– Пока, ребятки, мы уходим!

И Олли, Ники, Дилетта и Эрика – Ондэ, как их прозвали еще в пятом классе, когда они стали подругами, – смеясь, уходят. Они красивые, веселые, они такие разные. И они любят друг друга. Очень любят. Ники только что рассталась с Фабио. Олли расстается с кем-нибудь практически каждый день. А Эрика уже сто лет с Джорджо, Джо, как она его называет. А вот Дилетта... Она еще в поисках своего единственного парня. И она ему верна: рано или поздно она его встретит, во всяком случае, она на это надеется. Классные они, эти Ондэ, и, главное, они верные подруги. Правда, одна из них нарушит эту верность.

Глава шестая

– Эй, ребята, смотрите-ка, кто пришел – шеф! Да еще и с адвокатом! Шеф, только не заставляйте нас сегодня вечером работать! Это вечеринка, а не производственное собрание! – смеется Алессия, открывая дверь.

Алессандро и Пьетро входят, в доме полно народу.

– Так. Первый, кто назовет меня шефом, на два дня уволен.

Все кричат хором:

– Шеф! Шеф!

– Нет, не так: первый, кто меня назовет шефом, два дня будет выполнять двойную работу!

– Извини, шеф, то есть извини, Алекс!

– Здесь есть что-нибудь выпить?

Алессия, помощница Алессандро, подходит с полным бокалом.

– Вот, муффато – ты ведь его любишь, правда, ше...? – Алессандро недовольно морщится. – Шериф, я хотела сказать – шериф! Клянусь!

– Еще хуже получилось. Ладно, продолжайте, веселитесь, как будто меня здесь нет, даже еще лучше – как будто нас здесь нет.

Пьетро быстро выхватывает у него бокал и жадно к нему припадает.

– Как это «как будто нас здесь нет»? Я-то здесь, еще как! Отличное вино! Муффато? Можно еще?

– Можешь еще мне налить? – просит Алессандро Алессию; та тут же наполняет второй бокал и подает ему.

– А что же ты без Елены пришел?

Пьетро смотрит на него и делает вид, что сейчас захлебнется. Алессандро дает ему пинка.

– Она не смогла. Много работы.

Алессия немного удивлена.

– Ну хорошо. Здесь еще много всякой еды, если хотите. Я пойду поставлю напитки в холодильник. В общем, будьте как дома.

И Алессия уходит. На ней легкое элегантное платье, подчеркивающее ее формы.

Пьетро наклоняется к Алессандро:

– Да, это муффато – просто сказочное. И твоя помощница – тоже ничего: лицо у нее не очень, зато задница... ты с ней не пробовал? По-моему, она тащится от тебя.

– Ты закончил?

– Вообще-то я только начал. А почему ты ей не сказал, что бросил Елену?

– Я ее не бросил.

– Ну ладно, тогда – что она тебя бросила.

– И она меня не бросила.

– А что же тогда случилось? Она что, испарилась?

– Нет, не испарилась. Просто у нее такой момент.

– Что значит «такой момент»? Она ведь ушла из дома. Забрала свои вещи. А вы ведь собирались жениться. И ты говоришь, что у нее просто такой момент?

Алессандро некоторое время молча пьет. Пьетро не успокаивается:

– Ну, так что скажешь?

– Что я сильно лажанулся, когда попросил ее выйти за меня замуж, нет, когда рассказал все тебе, даже нет, когда привел тебя сюда, на эту вечеринку, хотя нет, я лажанулся, когда позволил тебе работать на нашу фирму, нет, когда я думал, что ты мне все еще друг...

– О'кей, о'кей, я не знал, что ты такой обидчивый. Я ухожу.

– Ладно, ладно тебе, не уходи.

– Да кто уходит: тут полно классных телок! Я не такой олух, как ты, чтобы заживо себя хоронить! Я хотел сказать – я уйду на промысел!

Пьетро уходит, качая головой. Алессандро наливает себе немного муффато и подходит к книжной полке. Он ставит бокал и рассматривает книги Алессии. Они расставлены по размеру и по цвету, а не по жанру. На диване кто-то тихо смеется, у стола стоят молодые люди и громко разговаривают: обсуждают новости, футбол, телевидение. Алессандро берет с полки книгу, открывает, листает и застывает. «Если вы верите в любовь с первого взгляда, то не перестанете искать». Вроде такой же был слоган у фильма «Близость». Что за книгу я взял? Кажется, это перст судьбы. Когда ты только что расстался с девушкой, кажется, весь мир ополчился на тебя. Все сговариваются, чтобы сделать тебе еще хуже.

– Привет! – Алессандро оборачивается. Перед ним стоит невысокий крепыш, с легкой лысиной, но симпатичный. – Не помнишь меня? – Алессандро шурится, пытаясь сфокусировать на нем взгляд. Это не помогает. – Неужели не вспоминаешь? Да послушай мой голос, ты ж его тысячу раз слышал.

Алессандро смотрит на него, но так и не вспоминает.

– Ну так что?

– Что «ну так что»? Ты ничего еще не сказал.

– О'кей, ты прав. Ну так вот... Добрый день, это отделение... неужели не вспоминаешь? Мой голос ты слышал тысячу раз... Добрый день, это отделение маркетинга... Слушай, я же работал с Еленой!

Ну, вот опять. Что это, шутка? Да что вы все на меня набросились?

– Ты однажды даже заходил к ней. А мой стол стоял справа от Елены.

– Да, точно, теперь вспомнил. – Алессандро старается быть любезным.

– Нет, по-моему, ты так меня и не вспомнил. В любом случае я уже там не работаю: меня перевели в другой отдел, а сейчас у меня два дня отпуска. Завтра у меня собеседование на новом месте... А почему это Елена не пришла?

Алессандро ушам своим не верит. И он туда же.

– У нее накопилось много работы.

– Ну да, может быть, она вечно допоздна засиживается.

– Что значит «может быть?»

– Да-да, конечно, я сказал «может быть» просто так.

И они замолкают. Алессандро пытается с достоинством выйти из этой неловкой ситуации:

– О'кей, я пойду возьму себе что-нибудь выпить.

– Ладно. Я здесь пока останусь. А можно кое-что у тебя спросить?

Алессандро вздыхает. Лишь бы он не спрашивал о Елене.

– Да. Конечно, спрашивай.

– Как по-твоему: почему меня никто никогда не вспоминает?

– Не знаю.

– Да как же так: ты – известный рекламщик, ты столько всего придумал, ты всегда все знаешь... и вдруг... Я – Андреа Солдини.

– Очень приятно, Андреа. И все-таки... я не всегда все знаю.

– Ясно. Короче, объяснить этого ты мне не можешь?

– Ну, не знаю, я занимаюсь рекламой, продвигающей какой-нибудь товар, я не могу сделать рекламу тебе. – Андреа опускает разочарованный взгляд. Алессандро понимает, что ответил грубо, и пытается исправиться: – То есть я не могу это сделать... в смысле... не могу сейчас: сейчас я иду выпить чего-нибудь, ясно?

Андреа поднимает глаза и улыбается:

– Спасибо... правда спасибо.

Алессандро облегченно вздыхает. Ну, хотя бы здесь прокатило.

– Ладно. А сейчас я действительно пойду возьму себе что-нибудь.

– Конечно! Хочешь, я тебе принесу?

– Нет-нет, спасибо.

Алессандро уходит. Ну надо же. Прийти именно на эту вечеринку и наткнуться именно на этого парня. То есть он, конечно, очень симпатичный, но что я могу ответить на вопрос, почему его никто не запоминает. Он говорит, что сидел за столом справа. Но что-то я даже не помню, чтобы там справа был какой-нибудь стол. Значит, тут два варианта: либо ты, дружище Алессандро, кроме Елены никого не замечаешь, либо действительно этот тип не запоминается. Остается только надеяться, что тебе никогда не закажут сделать рекламу на товар вроде этого Андреа Солдини. При этой мысли Алессандро впервые за весь вечер улыбается и идет прямо к столу, чтобы взять что-нибудь. Рядом стоят две красивые девушки-иностранки и улыбаются ему.

– Вкусно, правда? – говорит одна из них.

Алессандро улыбается во второй раз за вечер:

– Да, вкусно.

Вторая девица тоже улыбается:

– Здесь все вкусно.

Алессандро и ей улыбается тоже. Третья улыбка:

– Да, согласен.

Наверное, они русские. Он оборачивается. Невдалеке на диване сидит Пьетро и смотрит на него. Рядом с ним – красивая длинноволосая девушка: она стигается пополам и хохочет над тем, что он рассказывает. Пьетро подмигивает ему и поднимает бокал, будто бы тост произносит. И шепчет одними губами:

– Давай!

Алессандро в ответ тоже поднимает бокал и наливает себе еще муффато. Удостоверившись, что на пути ему не встретится Андреа, он идет на террасу, оставив позади все три свои улыбки. Опершись локтями на решетку, он мелкими глотками отпивает вино.

– О чем думаешь? – За спиной раздается голос Алессии.

– Я? Ни о чем.

– Как это – ни о чем? Ты всегда о чем-нибудь думаешь. Твой мозг как будто напрямую связан договором с нашей фирмой.

– Как видишь, сегодня ему дали увольнительную.

– Тебе бы иногда самому давать ему отдых. Держи. – Она протягивает ему еще один бокал. – Это пассито⁶ ди Пантеллериа. Попробуй.

Алессандро медленно отпивает:

– Да, вкусный. Мягкий.

Алессия тоже, опершись на решетку, смотрит вдаль.

– Знаешь, с тобой так приятно работать! Я часто смотрю на тебя, когда ты заходишь к нам: ты все время ходишь, наяриваешь круги по этому ковру... ты уже борозду на нем проделал... такой за мкнутый круг... И все время смотришь на потолок, как будто видишь через него, через стены, сквозь небо, через море, смотришь куда-то далеко-далеко и что-то видишь...

– Да, я не такой, как вы, простые смертные... Слушай, не издевайся надо мной!

– Нет, я серьезно. Ты в гармонии с миром и можешь иногда даже посмеяться над тем, что случается в этой жизни. Я даже уверена, что, закончись у тебя любовная история, ты бы и над этим сумел посмеяться.

Алессандро смотрит на Алессию. Глаза их встречаются. Но она первая отводит взгляд.

⁶ Вино из изюма.

– Это тебе адвокат сказал?

– Да, но я бы и сама догадалась... Эта Елена, мне кажется, даже твоего «жестокое презрения» не заслуживает.

Алессандро качает головой:

– Он и это тебе сказал.

– Да ладно тебе, шериф, если бы ты знал, скольких парней бросала я... а сколько бросали меня...

– Нет, не знаю. Никто не приходил и не докладывал мне о твоих делах.

– Ты прав, прости. Но не сердись на своего друга. Просто Пьетро хотел бы снова увидеть тебя веселым и счастливым. Он рассчитывал, что я заставлю тебя улыбнуться. Но, может быть, ему лучше бы было подослать к тебе этих русских, как думаешь?

– Ну что ты говоришь...

Нет ничего хуже, чем когда тебе плохо, а кто-то хочет навесить на тебя свои глупые проблемы. Сначала тот тип, который хочет, чтобы все его запоминали. Ну вот, я даже имени его не могу вспомнить... как его? А, Андреа Солдини. Теперь Алессия с ее непременным желанием быть в центре внимания. Или, лучше сказать, быть единственно правильным лекарством от недуга. Алессандро кладет руку ей на плечо, она оборачивается к нему с улыбкой на губах. Но он опережает ее и целует в щеку.

– Спасибо. Ты – волшебница: видишь, я уже улыбаюсь...

– Иди отсюда! – Алессия улыбается ему в ответ. – Вечно ты надо мной насмехаешься.

– Нет, серьезно.

– Ничего не поделаешь. Вы, мужчины...

– Только не говори мне банальное «все вы одинаковые», только не это!

– Ладно, скажу тебе совсем другое. Все вы, мужчины, каждый по-своему, – жертвы женщин. Но вы умеете этим пользоваться. Знаешь как? Оправдывая то зло, которое вы причиняете своей следующей женщине.

Алессия поворачивается, чтобы уйти, но Алессандро ее останавливает:

– Алессия!

– Что?

– Спасибо.

Алессия отворачивается:

– Не за что.

– Нет, серьезно. Этот пассито – вкуснейшая штука.

Алессия улыбается и выходит с террасы.

Глава седьмая

Мороженица «Аляска». Ондэ устроились на железных стульях перед входом. Олли сидит, положив ноги на соседний стул.

– Хм, здесь действительно делают обалденное мороженое! – Она вылизывает его до дна. – По-моему, они какой-то наркотик кладут в свой шоколад, меня так и пробивает!

Именно в этот момент мимо проходят два парня. На одном куртка с надписью «Surfer», на другом – с надписью «Fiat». Болтая и смеясь, они входят в мороженицу.

– Ой, кстати, последний «Fiat» меня тоже неслабо пробивает!

Ники смеется:

– А что, чуть посерфинговать тебе не катит?

– Скорее, нет... Я уже дала...

– Ох, Олли, по-моему, ты над нами издеваешься: не хочешь же ты сказать, что и с этим ты уже была...

– А по-моему, она все это говорит специально, потому что здесь я. Она хочет вызвать у меня угрызения, что я столько в жизни лишилась...

– Да нет, с ним мы только несколько раз в машине прокатились.

Тут на большой скорости к ним подлетает скутер и тормозит в миллиметре от них. Парень быстро выставляет подножку.

– А, вот вы где! – Это Джо, парень Эрики. – Я вас повсюду ищу.

– А мы решили прогуляться.

– Да уж, вижу.

Эрика встает и обнимает его. Они слегка касаются друг друга губами.

– Дорогой, мне ужасно нравится, когда ты ревнуешь.

– Какое – ревнуешь, я волновался. В Эуре устроили облаву, там была BumBumCar, так там арестовали кучу людей за ворованные машины, за запрещенные ставки и преступные организации.

– Ух ты, вот уж действительно бум-бум-бум! Даже преступная организация! – Олли спускает ноги со стула и допивает из стаканчика. – Вооруженная банда!

– Да я серьезно говорю. Мне рассказал Джанджи, он там был, он сумел сбежать, когда полиция приехала.

– Черт, значит, это правда. – Дилетта встает. – Джанджи тоже там был.

– Значит, вы тоже там были! – Джо в ярости смотрит на Эрику.

– Да я просто с ними пошла.

– Мне по барабану, с кем ты пошла; я не хочу, чтобы ты там находилась, и все.

– Ну конечно, – тряхнув головой, говорит Олли, – ты просто ревнуешь ее к Фернандо, который ставки собирает.

– Да очень надо! Я за нее волнуюсь, понятно? А если бы ее забрали? Там многих взяли, ты поняла или нет? – Он сжимает локоть Эрики. – Любовь моя, но почему ты мне не сказала?

– Ну не начинай! Ты как мой отец, отпусти ты меня! Я же тебе сказала: я была с подругами. – И чуть тише добавляет: – Я не хочу обсуждать это при них, хватит!

– Ладно, как хочешь.

У Ники звонит мобильник. Она вынимает из кармана свою маленькую «Нокию».

– Блин! Это мама! Что ей надо в такой час? Алло, мама, вот так сюрприз!

– Где ты?

– Извини, ты что, даже не здороваешься со мной?

– Привет. Ты где?

– Уф ф! – Ники со вздохом возводит глаза к небу. – Я на корсо Франча, мы с девочками едим чудное мороженое. А в чем дело?

– Ну слава богу. Мы только что вернулись, и папа включил телевизор, а там в новостях сказали, что в Эуре хватают молодых людей, назвали несколько имен, и среди них – сын наших друзей, Фернандо Пассини...

– Кто?

– Ну да, он, ты же часто с ним куда-нибудь ходишь, не делай вид, что не понимаешь! Не зли меня, Ники, он ведь в твоей компании! Короче, назвали имена только совершеннолетних, а я вдруг подумала, не было ли и тебя там!

– Мама, о чем ты? Ты за кого меня принимаешь? – Ники округляет глаза от возмущения, заинтересованные подружки подходят поближе, а Ники машет им рукой, как бы говоря: «Вы что, не знаете, что случилось?» – Мама, а известно, за что их взяли? То есть – что они такого сделали?

– Слушай, я толком не поняла, что-то там с машинами, типа ворованные машины, какой-то stumpcar...

– Да нет, мама, это BumBumCar!

– Вот-вот! А ты откуда знаешь?

Ники сжимает зубы и соображает, как ей выкрутиться.

– А, тут приехал Джорджо, друг Эрики, и нам все рассказал. Он слышал это по радио; а мы даже ему не поверили...

Олли и Дилетта тихо смеются.

– Ну вот видишь, я же говорю! Слушай, а не пора ли тебе домой? Уже двенадцать часов ночи!

– Мама, ты что, Золушку себе в дочки взяла? Скоро буду, целую! Чмок, чмок!

– Значит, все, что Джо сказал, – правда?

– С чего мне врать-то?

– Ладно, девочки, по домам, завтра всё из газет узнаем.

Ондэ идут к скутерам и к малолитражке. Олли садится на свой скутер, надевает шлем и заводит мотор.

– Да, вечерок-то не фонтан!

Ники улыбается:

– Знаешь, а мне кажется, это Джо вызвал полицию, так он ненадолго нейтрализовал Фернандо.

Дилетта смеется:

– Ну вы, две змеи! От вас отходить нельзя, а то вы вслед такого наговорите!

– Это точно! Ну ничего, я сегодня, прежде чем лечь, обязательно напишу ей в эсэмэс какие-нибудь гадости про вас с Олли!

И Ники заводит скутер и, поддав газу, летит, широко расставив ноги, наслаждаясь этой своей нехитрой маленькой свободой.

Глава восьмая

Алессандро по-прежнему стоит на террасе. Он смотрит вдаль, допивая свой пассито. И уходит в комнату. Ставит бокал на полку. Рядом с какой-то книгой. На этот раз это «Афоризмы. Песок и пена» Джебрана. «Семь раз я презирал свою душу. Первый раз – когда увидел, что она покоряется, чтобы достичь высот. Второй раз – когда заметил, что она хромает в присутствии увечных. В третий раз – когда я дал ей выбор между трудным и легким и она выбрала легкое. Четвертый...» Ну хватит. Не знаю, но когда тебе плохо, все, кажется, принимает двойное значение. Алессандро захлопывает книгу и ищет взглядом Пьетро. Его нигде не видно. Он всматривается, скользит взглядом по кому-то... нет, это не кто-то, а Андреа Солдини, стоит с высокой красоткой. Андреа ему улыбается. Алессандро улыбается ему в ответ и продолжает искать взглядом Пьетро. Не хотел бы я, чтобы... Он открывает дверь в спальню. Никого. Проходит дальше, к ванной. Дверь заперта изнутри. Оттуда раздается мужской голос: «Занято. Не видно, что ли: закрыто?» Это не Пьетро. Алессандро проходит в кухню. Окно распахнуто. Легкая светлая занавеска развеивается на ветру. На кухне двое. Она сидит на столе, раздвинув ноги, он опирается о стол, стоя у нее между ногами. В его руке раскачивается вишенка, которую он то опускает, то поднимает перед лицом девушки. Та смеется и пытается поймать ее губами.

– Пьетро!

Пьетро оборачивается. Девушка, воспользовавшись этим, выхватывает у него из руки вишню и съедает ее.

– Вот видишь, что ты наделал. У меня из-за тебя вишню украли.

Девушка смеется, жуя вишню, и рот ее окрашивается в призывно-красный цвет.

– Какая вкусная! Я выиграла, мне еще одна причитается! Ты же сам сказал!

– Конечно, вот тебе еще одна.

И русская девушка, сплюнув косточку, кладет в рот вторую вишню. Пьетро подходит к Алессандро.

– Вот видишь, игра закончена. Я хотел ее немного помучить: съев одну, ей сразу хотелось другую, а я ей давал только в самом конце – вишенку и еще – пум! – Пьетро слегка ущипнул Алессандро между ног, – бананчик! – Пьетро смеется, а Алессандро сгибается пополам.

– Ну ты и кретин!

Русская девушка смеется и беспрепятственно съедает еще одну вишню. Алессандро наклоняется к Пьетро и тихо говорит ему:

– Слушай, у тебя двое детей, скоро тебе сорок, а ты все не меняешься. Неужели и я через три года буду таким? Я просто в шоке.

– Почему? Через три года столько всего изменится. Ты тоже женишься, и у тебя будет ребенок, и ты тоже попробуешь с иностранкой... ты, может быть, еще дальше зайдешь. Это как в рекламе «Адидас»: Impossible is Nothing... Слушай, мы можем пойти к тебе? Ну одолжи мне квартиру на сегодняшний вечер!

– Ты что, с ума сошел?

– Это ты сошел с ума! Когда мне еще попадется такая русская девчонка? Видел, какая красивая?

– Да, действительно.

– Что «действительно»? Смотри, какие ноги длиннющие, глянь, как она ест вишню... – Пьетро, присвистнув, снова щиплет его между ног. – Да, бананчик.

– Ай, хватит!

Русская снова смеется. А Пьетро, пытаясь убедить друга, вытаскивает из кармана пиджака конверт.

– Смотри, я закончил это дело с «Butch & Butch». Я нашел поправку, которая гарантирует вам еще два года пользования. Я уже послал заказное письмо и должен был вручить это не раньше чем через неделю. А вот я дам ее тебе сейчас. Идет? Представляешь, как ты будешь выглядеть? Ты не просто шеф, ты супершеф. А в обмен...

– Ну ладно, поедem ко мне выпьем чего-нибудь. И приглашаю также... – Алессандро кивает на девушку.

– Вот молодец, видишь, как легко с тобой можно договориться?

– Только не вмешивай меня в свои разборки с Сюзанной, выкручивайся сам.

– А чего выкручиваться-то? Я скажу, что остался допоздна у тебя. Это же правда?

– Ну да... правда.

– Подумай только, какое она чудо! Вишни, бананы и она. Настоящий русский салат оливье.

– Слушай, почему бы тебе вместо адвоката не устроиться на работу в кабаре?

– И ты бы писал мне тексты?

– Ладно. Жду вас внизу. Пойду попрощаюсь с Алессией. Кстати, с чего это ты...

– Знаю, знаю: я не должен был говорить ей о Елене, но я это сделал для тебя; вот увидишь, когда у тебя все наладится, ты еще вспомнишь обо мне...

– Почему это я вспомню о тебе?

– Ну ладно, когда наладится, сразу не вспомнишь. Но потом, через некоторое время, ты поймешь, что все это благодаря мне.

– Ну, так ты ничего не понял. У меня ничего не будет с Алессией.

– Почему это?

– Потому что я против служебных романов.

– А как же было с Еленой?

– Это другое дело: она пришла позже, и потом, она совсем в другом отделе.

– И что?

– А то, что Алессия – мой помощник.

– Так это еще лучше: вы можете заниматься этим на работе. Закрылись в кабинете – и вперед! И никто вам слова не скажет!

– Сделаем так: до этого места – большое спасибо. Ясно? Я пойду попрощаюсь, и поедem. Я что-то устал.

Алессия сидит в гостиной и болтает с какой-то подружкой.

– Пока, Алессия, мы уходим, завтра в офисе увидимся. Я знаю, что нас вызывает главный. Не знаю, правда, зачем.

– Хорошо, завтра всё узнаем. – Алессия встает и целует его в обе щеки. – Спасибо, что зашел, мне было приятно.

Алессандро идет к дверям. У самого выхода стоят Пьетро и русская девушка. Но они не одни. Рядом с Пьетро стоят еще две девицы, абсолютно такие же, как та, с вишней.

– А они что?

– Она сказала, что без подруг никуда не пойдет. Давай, они только выпьют чего-нибудь! И потом – разве это не ваши модели? Ты же сам их выбирал.

– Да, но я выбирал для работы.

– Ну ты и душный! Да знаешь, сколько людей берет работу домой!

– Ясно. Значит, пока ты будешь работать, я должен буду разговаривать с этими двумя? Ты как хочешь, а я сразу лягу спать, у меня завтра очень важное собрание. Видишь, ничего не получается.

– А я, как всегда, все продумал! Посмотри-ка!

из-за спины Пьетро показывается Андреа Солдини.

– Ну как, идем? – И, чтобы придать себе уверенности, он берет за талию одну из девиц и, обогнув Пьетро, выходит из дома.

Пьетро подмигивает Алессандро.

– Вот видишь? Этим займется Солдини, прирожденный собеседник. Он сидел за столом справа от Елены.

– Ну да, я в курсе.

– Ты помнишь его?

– Да нет. Это он мне сказал.

И они выходят все вместе, неся пакетик с вишней, который Пьетро незаметно сунул себе в карман. Они садятся в машину.

– Черт! Какой класный мерс, это ведь новый ML, да? – Андреа трогает все, что можно, и откидывается на спинку сиденья. – И удобный какой!

Пьетро устраивается сзади, между двумя девушками.

– Да, неплохо тут... А девчонки просто сказочные... И еще – смотрите! Вуаля! – И он быстро вынимает из кармана пиджака бутылку пассито. – Еще холодненькое! Прошу! – И из другого кармана он вынимает стаканы. – Стаканчики, извините, из пластика. Невозможно иметь сразу все от жизни, но мечтать не вредно. Ибо счастье – это не цель, а стиль жизни...

Алессандро искоса смотрит на него в зеркало заднего вида.

– А это где ты услышал?

– Мне неприятно говорить это, но от Елены.

Елена. Елена. Елена.

– И часто ты с ней общаешься?

– По работе. Всегда только по работе. Ты же знаешь, сколько я работаю! – И Пьетро шутливо засовывает руку между ног одной из девушек, будто бы что-то ищет. – Вуаля! – В руке у него вишня. – А, вот почему они такие сладкие! – И сует ее в рот другой русской, та ест и смеется.

– Слушай, Алекс, а мы к тебе едем? – Алессандро кивает, и Андреа продолжает: – А как же... А как же Елена? Что она скажет, когда увидит нас с тремя вишенками?

Пьетро, наклонясь, хлопает его по плечу:

– Молодец, хороший вопрос!

– Елены нет, она в командировке и вернется через несколько дней.

– А, значит, мы спокойно можем...

– Да, только попрошу вас об одном одолжении.

– Ни слова об этой вечеринке, точно? – говорит Пьетро.

– Точно. Тогда еще одна просьба: не упоминайте при мне имя Елены.

– Почему это?

– Потому что вы заставляете меня чувствовать свою вину.

Пьетро таращит глаза, встречается взглядом в зеркальце с Алессандро и подмигивает ему. Так он обещает ему хранить секрет. Это нетрудно: они же друзья.

Глава девятая

Весенняя теплая ночь за приоткрытыми окнами не дает уснуть. Ники ворочается с боку на бок, вспоминая тот день, когда она познакомилась с Фабио. В каком-то полуподвале, изрисованном граффити, на импровизированной сцене несколько парней устроили концерт; мне нравится, как он поет: в стиле фанк, и слова цепляют, вот и Олли шепчет, что он – супер; он смотрит на меня, я – на него, он поет и улыбается мне.

Потом он несколько раз прокатил меня на своем скутере, потом – несколько раз сходили в кафе-мороженое, несколько стаканов пива в кафешках, первый поцелуй, потом – второй, уже у меня дома. А потом его фраза: «Ты – моя. Не оставляй меня никогда. Нам так хорошо вместе. Я тебя люблю». А потом началось: «Где ты была? С кем? Почему ты пошла со своими подругами на дискотеку, а не осталась со мной?» И тогда я поняла, что любовь – это другое. Это – когда чувствуешь себя легко и свободно. И сердце другого человека – не твоя собственность, оно не принадлежит тебе по какому-то договору, его любовь надо завоевывать, причем постепенно, изо дня в день. И что надо разойтись. Чтобы искать свой собственный путь. Фабио. Он сердито смотрит на меня, стоя в дверях. И говорит, что я ошибаюсь. Что нам хорошо вместе. И сжимает мне руки. Как будто бы так можно удержать того, кто хочет уйти. Сердце не удержишь. И Фабио уходит, повторяя, что я за все отвечу.

И слезы медленно сползают на подушку, а Ники обхватывает ее руками, чувствуя себя защищенной.

Ники не спится. Уже половина первого. Тихо поворачивается ключ во входной двери. В коридоре загорается свет.

– Говорю тебе, эти Фраскари – странная пара! Ты слышал: он злится, что она не хочет ходить с ним на танго! Да не любит она танцевать!

– Да, но для него это был бы просто знак любви! Я знаю, что она не любит танцы, но хотя бы раз в жизни она могла бы пойти ему навстречу!

– Да, но нельзя требовать от человека только потому, что он тебя любит, делать то, чего он не переносит. Он просто мог бы сказать: «Милая, делай что душе угодно, а потом вечером мы друг другу расскажем, чем занимались днем!» Так же лучше! И потом, обменяться впечатлениями...

– Ну да, ты вот, например, ходишь на аквааэробику, а я – на теннис...

– Вот именно: мне и в голову не придет тащить тебя барахтаться в воде еще с девятнадцатью другими дамочками!

– Представляешь, я один – среди двадцати женщин! Сколько, ты сказала? Двадцать женщин? Однако...

– Дурачок! Да они все невротички! Тебе самая лучшая досталась!

Звук сдвигаемых стульев – и тишина. Такая тишина наступает, когда двое целуются. И Ники, еще крепче сжав подушку, вдруг понимает, как же ее родители любят друг друга. Это незаметная, тихая любовь, которая сопровождает ежедневные заботы, общие дела и хобби каждого. Эта любовь рождается при совместных вечерних ужинах, шутках, тихом смехе, когда растут дети, когда обсуждаются дальнейшие планы. Да, родители любят друг друга. И ведь ни у того, ни у другого это не была первая любовь. Да, они любили до этого других. Может быть, чтобы понять цель своей жизни, надо попутешествовать. А может быть, первая любовь – это каждый раз, когда ты любишь по-настоящему.

Глава десятая

– Ой, как тут красиво... – говорит одна из русских девушек.

Алессандро улыбается: Елена никогда ему такого не говорила. Не успел он ответить, как в гостиную влетел Андреа и принялся по ней кружиться.

– Да, действительно очень красиво, серьезно... А, подожди-ка, я уже видел эти фотографии... Да, это Елена приносила их в офис, чтобы сделать рамки... хорошие! Это ведь фотографии твоих работ?

– Да. – Алессандро впускает Пьетро и трех русских девушек. – Итак. Это гостиная, здесь – ванная для гостей, там – кухня. – Он ходит по квартире, за ним – все остальные. – Комната для гостей и еще одна ванная, о'кей? Если вдруг это вам понадобится... – Пьетро и Андреа с улыбкой переглядываются. – Да, – повторяет Алессандро. – Если вдруг. Самое главное – чтобы тихо было. Потому что уже почти два часа ночи. А я пошел спать. Туда. – Он показывает на дверь в глубине коридора.

– Не хочешь вишенку?

– Нет, я иду спать.

– А русский салат оливье?

– Нет. Спокойной ночи. Не шумите тут и, когда будете уходить, дверь тихо закройте. А то соседи жалуются, что я громко хлопаю дверью.

Пьетро разводит руками.

– Абсурд какой-то. Я подам жалобу.

Алессандро закрывает за собой дверь, быстро раздевается, чистит зубы и ложится. Включает телевизор и щелкает каналы в поисках чего-нибудь достойного внимания. Встает. Открывает шкаф, где всегда лежали вещи Елены. Пусто. Только маленькие мешочки с душистыми травами, которые она сама сшила. Он захлопывает шкаф, снова ложится, выключает телевизор, свет и закрывает глаза. На него накатываются воспоминания. Вот они в кино. Он берет билеты и вдруг вспоминает, что забыл кошелек в машине. Тогда Елена достала и протянула кассирше, очаровательной блондинке, деньги со словами: «Знаете, он, вообще-то, за равенство полов, но пока еще к этому не привык и, прежде чем дать мне расплатиться, всегда устраивает такие вот сценки». И он почувствовал тогда, что идет на дно. Или вот еще воспоминание. У него перехватило дыхание, когда она вошла в спальню и на ней было прозрачное белье... И тогда. На этом самом диване... бум-бум-бум... Со страстью... бум-бум-бум... С яростью... С бешеным желанием... бум-бум-бум! Но что это за звук? Бум-бум-бум. Алессандро просыпается.

– Кто там? В чем дело?

– Это Иления.

– Какая еще Иления?

– Иления Бурикова.

Да кто ты такая, хочется крикнуть Алессандро, знать тебя не знаю.

– Я Иления. – И тут он вспоминает о русских гостях. И открывает дверь. – Слушай, там одному плохо стало...

– Кому?

– Ну этому, не помню, как его зовут. Моя подруга, Ирина, начала звать на помощь.

– На помощь? Да кто там зовет на помощь?

Алессандро, набросив майку, выбегает в коридор. Не успев вбежать в гостиную, он замечает на террасе Ирину: она свесилась вниз и кричит что есть силы:

– На помощь! На помощь! Здесь мужчине плохо! Он умирает!

В окнах напротив зажигается свет. Высовывается сосед с женой:

– Да не кричите вы так! Мы уже вызвали скорую!

Алессандро выскакивает на террасу и хватает русскую девушку за руки.

– На помощь! На помощь! Ему плохо! – Она кричит, как заезженная пластинка. – Помогите!

– Замолчи! Что ты устраиваешь? Кому плохо?

– Он там, в ванной!

Алессандро кидается в ванную. Там на полу лежит Андреа Солдини, весь в поту. Увидев Алессандро, он пытается улыбнуться.

– Мне плохо, Алекс, мне плохо...

– Да вижу я. Давай, расслабься, сейчас тебе будет лучше.

– Я сердечник, прости, напудрил нос...

– Что? Ну ты и кретин! Пьетро, Пьетро, где ты, Пьетро?

Алессандро помогает Андреа выйти из ванной. Из комнаты для гостей выходит всклокоченный Пьетро, по пути надевая рубашку, у него за спиной маячит русская, она улыбается, жуя вишню. Получше всякого ролика, успевает подумать Алессандро.

– Ну, что тут случилось?

– Да вот этот нанюхался кокаину, и ему плохо... Хотел бы я узнать, кто, черт побери, притащил ко мне домой коку?

Андреа с трудом дышит:

– Нет-нет, никто не виноват, мне его дали у Алессии.

– У Алессии?

– Да. Но кто дал – не скажу.

– Да мне наплевать, кто тебе его дал. Сюда ты принес.

– Я хотел произвести впечатление на девушек.

Пьетро подпирает его с другой стороны, и они заставляют его пройти немного.

– Да уж, хорошее ты на них произвел впечатление. Ты белый как мел.

Верушка все так же стоит в дверях спальни:

– Пьетро, иди сюда... Когда привезут фруктовый салат, ты же говорил...

– Сейчас-сейчас, видишь, у нас тут фруктовый коктейль...

С террасы выходят две другие девушки. Они уже успокоились.

– Все в порядке, скорая приехала. И с ней еще два карабинера.

Алессандро прошибает пот.

– Какие еще карабинеры? Их-то кто вызвал?

– Мы, мы, все как положено. У нас есть разрешение на работу.

– Да при чем здесь ваши разрешения! Здесь другие проблемы. – Он склоняется над Андреа: – Ты уверен, что ничего другого у тебя не было?

– Нет, то есть да... совсем немного... Пакетик под унитазом.

– Под унитазом? Да ты рехнулся! Надо было его в унитаз спустить!

Алессандро бежит в ванную, находит пакетик с небольшим количеством белого порошка и едва успевает бросить его содержимое в унитаз. В дверь стучат.

– Открывайте!

Алессандро спускает воду и бежит к дверям.

– Сейчас!

На пороге – два санитара с носилками, за ними – два карабинера. Им навстречу медленно двигается Андреа, опираясь на Пьетро.

– Быстрее, кладите его на носилки. И расстегните ему рубашку.

Один из санитаров командует:

– Давай, надо измерить ему давление!

– Добрый вечер. Что тут у вас случилось? – Карабинеры показывают удостоверения и входят. Один из них что-то записывает в блокноте.

- Что вы делаете? Что вы записываете?
- А что? Почему вы так взволновались? Я веду записи.
- Просто понять хотел.
- Это мы должны понять. Итак, нам позвонили, сказав, что здесь какая-то странная вечеринка.
- Странная вечеринка? – Алессандро вопросительно смотрит на Пьетро.
- Да это и не вечеринка даже: просто встретились старые друзья и зашли выпить немного...
- Я понял, понял, – кивает карабинер. – А это русские девушки, верно?
- Ну да, это модели, они у нас снимаются в рекламном ролике...
- А, значит, работа... Так вы, как я понимаю, продолжаете работу? Сверхурочную?
- Вы на что-то намекаете?
- Пьетро чувствует, что Алессандро перегибает палку.
- Извините, можно с вами переговорить? – Он увлекает одного карабинера на кухню. – Могу я вам предложить что-нибудь?
- Спасибо, я на службе.
- Слушайте, – Пьетро склоняется к нему с заговорщицким видом, – это отчасти моя вина. У нас тут был небольшой праздник, и у меня уже складывались отношения с одной из девушек...
- Понятно. И что дальше?
- Подождите-ка, я вас сейчас познакомлю... Верушка, можешь подойти на минуточку? Верушка подходит. На ней – длинная майка, из-под которой видны ее потрясающие ноги.
- Слушу, Пьетро! – смеясь, говорит она.
- Слушаю, надо сказать – слушаю!
- Ну хорошо, слушаю... – Она снова смеется.
- Верушка, я хотел познакомить тебя с нашим карабинером...
- Тот подносит руку к фуражке и отдает честь:
- Очень приятно. Альфонсо.
- Видишь, Верушка, какая у них красивая униформа?
- Верушка, смеясь, трогает пуговицы на мун дире:
- Да, и столько на ней пуговичек... таких маленьких, как вишенки.
- Молодец, умница! Видите, Альфонсо, Верушка находит прямую связь между вашей формой и изначальной природой... В общем, мы проводили время в приятных беседах с нашими русскими подругами. И больше ничего.
- Понятно, понятно. Но, поскольку соседи звонили и утверждали, что здесь непонятная вечеринка и крики, вы понимаете...
- Конечно. Принять меры – это ваша прямая обязанность.
- Так точно.
- Они возвращаются в гостиную. Андреа по-прежнему лежит на носилках, правда, он чуть порозовел. Остальные девушки и Алессандро стоят рядом.
- Ну как, уже лучше?
- Лучше... – говорит Андреа.
- Один из санитаров поднимается:
- Все в порядке. У него была странная аритмия. И, поскольку он сердечник, мы ему ввели кардиотоник.
- Пьетро немедленно отзывается:
- Да, не надо было ему кофе пить.
- Конечно. Самое большее – одну чашечку утром, а уж вечером – нельзя.
- Карабинер кладет в карман блокнот.

– Ну, раз все в порядке, мы можем идти. Сделайте потише музыку. Вы видите, ваши соседи не выносят шум.

– Не волнуйтесь. Сейчас все пойдут по домам. – Алессандро смотрит на Пьетро. – Все, праздник закончился.

– Да-да, конечно. – Пьетро понимает, что сейчас не стоит спорить.

Санитары забирают носилки и выходят. За ними следуют карабинеры. Вдруг тот, что до этого молчал, останавливается.

– Извините, можно воспользоваться туалетом?

– Конечно. – Алессандро ведет его к ванной. И вдруг видит, что пакетик все еще плавает в пузырях воды. Он подскакивает к бачку и резко спускает воду. И выходит, закрыв за собой дверь. – Извините, я совсем забыл, что в этой ванной плохо работает бачок. Пройдите, пожалуйста, в тот туалет, это мой личный.

Проведя его в другой туалет, он закрывает за ним дверь и стоит, как на страже, улыбаясь другому карабинеру. Но тот, заинтересовавшись, устремляется к первой ванной. Алессандро бледнеет. Но Пьетро опережает его: одним прыжком он оказывается между ними.

– Я извиняюсь, но тут действительно неисправен бачок. Через минуту освободится другой туалет. Альфонсо, я хотел бы вас поблагодарить за любезность. Хотите вишни?

– Я не люблю вишню.

Пьетро смотрит прямо ему в глаза. Он никогда не боится. Или, может быть, просто не показывает виду. Это его сильная сторона. Он всегда спокоен, выдержан и часто блефует, даже в очень напряженных процессах. Алессандро со вторым карабинером возвращается в гостиную.

– Спасибо.

Альфонсо в последний раз с подозрением смотрит на Пьетро и Алессандро.

– Не заставляйте нас возвращаться. Если мы придем еще раз, мы будем с ордером... – И они выходят, громко хлопнув дверью.

Алессандро выходит на террасу. Соседи потушили свет, легли спать. Алессандро смотрит вниз и едва различает отъезжающую скорую помощь и машину карабинеров. Он уходит с террасы.

– Молодцы. Если вашей целью было устроить мне ночь ужасов, вы преуспели.

– Это можно использовать для какого-нибудь нового ролика.

– Пьетро, мне не смешно. Давайте уходите. Уже половина четвертого, мне надо поспать. Завтра у меня в полдевятого важное совещание, я даже не знаю, о чем речь. Забирайте русских подруг и идите на все четыре стороны.

– Ну не заводишь, а то у нас комплекс вины начинается...

– Хм, – говорит одна из девиц, – а у нас гость – это святое.

– Ну вот, когда приедем снимать фильм в Россию, все будет по-другому; а пока мы здесь. И никто тут не виноват. Просто мне действительно надо поспать... прошу вас.

Андреа подходит к Алессандро:

– Прости, что я устроил этот дебош, я просто хотел произвести на них впечатление...

– Да ладно, я рад, что тебе лучше.

– Спасибо, Алекс, правда спасибо!

И вот эта странная компания наконец-то уходит. Прежде чем лечь, Алессандро заходит в тот якобы не работающий туалет. Пакетика уже не видно. Он хорошенько моет все вокруг. Никаких следов. Он выключает свет и идет в спальню. Снова вытягиваясь на кровати, он думает: «Ну и вечерок... Интересно, где сейчас Елена...» И с этой последней мыслью Алессандро засыпает.

Глава одиннадцатая

Она сидит в комнате цвета индиго.

Вот уже больше двух месяцев она сидит так, опершись на стол. Перед ней – закрытый ноутбук серого цвета, покрытый пылью, экран 15". Ну что, открыть его? Девушка обходит со всех сторон этот загадочный компьютер. Как можно забыть у мусорного ящика ноутбук? То есть нужно быть просто росмахой какой-то. Кстати, а почему говорят: росмахой? Они что, глупые? По-моему, совсем нет. Они же такие быстрые, лазают по деревьям... Короче, тот, кто забывает ноутбук возле бачка, – полный дебил. Девушка усаживается за стол. Открывает компьютер. Внизу, рядом с монитором – наклейка. «Ансельмо 2». Быть того не может. Обычно здесь пишется название компьютера. Это что, имя хозяина? Ну и ну. Она нажимает кнопку включения. Но он же не мой... может, не стоит... Но если не включить, как узнать, чей он, чтобы найти хозяина? Голубой экран Windows загорается с обычным своим звуком. Блин. Он даже пароль не ввел. На экране – закат солнца над морем. Несколько иконок. Она пробует открыть Outlook. Любопытно. Посмотрим его почту. Писем немного. Среди уже открытых многие отправители названы «Издательство». Это писатель? Мужчина или женщина? Есть еще – «Офис». Среди имен – Джулио, Серджо и разные никнеймы. Приветствия, ссылки, анекдоты, видео. Несколько приглашений. Посмотрим теперь посланные. Много – в это издательство, остальные – тем же, что писали ему. Одно женское имя встречается чаще других. Карлотта. Все отправленные письма подписаны «СтеXXX». Ну слава богу, его имя не Ансельмо 2... Она открывает еще одно письмо. Стефано. Значит, мужчина. Вот еще одно: «Привет, я тебе весь день звонил, у тебя был выключен телефон. Могу я иметь честь пригласить тебя в субботу на ужин? Я был бы счастлив». Счастлив. Мужчина. Иметь честь? Что за манера говорить? Я совершаю преступление. Нарушаю неприкосновенность личности. Да нет же, я нарушила только неприкосновенность ящика. Я просто подглядываю. Нет, подчитываю. Она ухмыляется про себя. Потом скользит вниз, в «Документы». Посмотрим! А, фото. Она открывает желтую папку. Множество фотографий пейзажей, животных, лодок. Ни одного человека, ни одного лица. Ну, хотя бы порнухи нет. Она возвращается на рабочий стол. И замечает иконку «Мартин». Может, так его зовут. Она открывает папку. Там несколько файлов в Word. Она кликает на первый попавшийся.

«...Она слишком долго пыталась примирить его наивную и сбивчивую речь с теми мыслями, что читала она на его лице. Она никогда не видела у мужчин столь завораживающего взгляда. Это был взгляд человека, способного на все. И как мало он сочетался с беспомощными словами, что он произносил».

Что это? Книга? Так он пишет? Девушка закрыла файл.

Еще есть файл от издательства. Она открывает и его.

«И ему вспомнился весь реальный мир: земля, корабли, моряки, женщины, – и этот мир сливался с тем новым миром, который он для себя открыл. Он поразился, поняв, что эти два разных мира имеют общие точки соприкосновения».

Однако... Неплохо. Два разных мира. Она закрывает файл и выключает компьютер. И вдруг ощущает, как в груди ее возникает необъяснимое волнение. В ней растет любопытство. Она возбуждена до предела: как бы оказаться в другом мире. Это то, о чем она давно думала, от чего у нее кружилась голова. И девушка впервые улыбнулась.

Глава двенадцатая

Здравствуй, мир. Ники потягивается. Могу я сегодня рассчитывать на подарок от тебя? Мне хотелось бы, встав с постели, обнаружить здесь розу. Только не красную. Белую. Чистую, как лист бумаги, на которой я заново начну писать свою жизнь. И эту розу оставил мне кто-то, кто совсем обо мне не думает, и я его тоже не знаю. Я знаю, это нонсенс. Но это бы вызвало у меня улыбку. Я бы взяла ее и пошла с ней в школу. И положила бы себе на парту. Просто так, без всяких лишних слов. Ондэ бы сразу подбежали, засыпали бы меня вопросами.

– Эй, кто это тебе подарил?

– Фабио?

– Он хочет попробовать все начать сначала?

– Фи, он – розу! Да он же сухарь!

И начнут хохотать. А я буду молчать. Я все утро буду держать их в неведении. А потом, в конце уроков, буду отрывать по лепестку и на каждом напишу синей ручкой слова из той песни: «Всегда есть причины для радости, даже если сердце ставит ей препятствия, а я ведь заслужила ее...» – и я бы выпустила через окно эти лепестки. И ветер отнес бы их далеко-далеко. И может быть, кто-нибудь их поднял. И собрал бы их по порядку. И прочел бы всю фразу. И отправился бы меня искать. Может быть, это был бы он. Но кто этот он?

Алессандро просыпается и ворочается в постели. Будильник уже прозвенел.

Черт побери, проклятье, проклятье, проклятье! Он быстро соскакивает с кровати, вставляет ноги в тапки. Но когда я его выключил? Или я не слышал? Или вчера во всем этом бардаке я его не поставил? Быть того не может. Он, скользя по паркету, въезжает в кухню. Ставит на огонь кофеварку. Бежит в ванную, хватается электробритву и, бреясь на ходу, бежит по комнате. Он пытается навести порядок после вчерашнего. Ведь сегодня придет домработница. Черт, надо еще тут проверить... он входит в комнату для гостей. Видит чашечку. Опять эти вишни. Он несет их на кухню и выбрасывает в мусор. Идет в ванную для гостей, еще раз проверяет унитаз, заглядывает в умывальник, смотрит на пол, проверяет в углах. Хорошо. Ни следа не осталось. Только не хватало мне одного: известный специалист по рекламе арестован из-за наркотиков. Именно я, главный борец с наркотой. Да никто бы не поверил. И он, погруженный в эти мысли, еще раз дергает ручку сливного бачка и выходит в гостиную. Ставит музыку, и настроение улучшается. Все еще бреясь, он начинает танцевать. Ну да, черт меня подери, я должен быть счастлив. Мне еще тридцать шесть лет, я успешный рекламщик: у меня несколько престижных премий. Ну, родители мои хотят, чтобы я женился; значит, скоро это случится. Или, может, нет. Так или иначе я нравлюсь женщинам. Он осторожно подходит к зеркалу, приближает к нему лицо и всматривается в него. Я очень даже нравлюсь женщинам. Спокойно, спокойно! А ты, Елена, еще будешь сильно жалеть, ты локти себе будешь кусать от досады. И, уверенный, что все так и будет, он выпивает кофе. Затем проскальзывает в душ и стоит под струями холодной воды. Так, о чем же будет сегодня речь на совещании? Блин. Я уже опаздываю... сильно опаздываю. И он выскакивает из душа. Быстрее-быстрее.

– Но, Ники, ты же не позавтракала.

– Мама, я выпила кофе.

– Ты ничего не поешь?

– Не успеваю, я опаздываю. Сильно, блин, опаздываю.

– Ники, я тебе сто раз повторяла: не говори так.

– Но если я так сильно опаздываю!

– Все равно не говори. Ты на скутере поедешь?

– Да.

– Тихонько езжай, слышишь? Не гони.

– Мама, ты мне это каждое утро говоришь. Хочешь, чтобы когда-нибудь я облажалась?

– Ники! Что за слова?

– Но если ты облажался, то уж облажался. Ну, если ты настаиваешь, буду говорить – чтобы когда-нибудь я в аварию попала. Хотя «облажаться» – это верное слово. Все, пока! Целую!

Ники выскакивает на лестницу, нацепив наушники. Быстро сбегает по лестнице, заходит в гараж, запрыгивает на свой скутер, заводит его и на всей скорости вылетает со двора. На секунду останавливается, смотрит налево, потом направо: на улице никого – и давит на газ. Она вливается в утренний поток.

Алессандро быстро едет на своем новом «мерседесе». По дороге он купил несколько газет: надо быть в курсе всего, что происходит на свете. И вот он, притормаживая на красном свете, изредка бросает взгляд в «Мессаджера», развернутый на соседнем сиденье. И снова трогается. Машины двигаются довольно быстро. Он опаздывает. И все равно то и дело бросает взгляд в газету.

Ники тоже явно опаздывает. Блин, очень опаздывает. На голове – наушники, она слушает музыку и жмет на газ. Иногда она поглядывает на наручные часы, прикидывая, успеет ли проскочить через ворота, пока этот зануда сторож их не закрыл. Она несется по улице Париоли, втискиваясь между машинами, обгоняя их.

Алессандро въезжает на улицу Париоли, вчитываясь в эту невероятную статью: молодые ребята украли пять машин и устроили гонки на выживание. BumBumCar, BBC, в эту новую и опасную игру играют скучающие ребята из богатых семей. Невероятно. Неужели они серьезно... Но он не успевает дочитать до конца. Он изо всех сил жмет на тормоз. Но увернуться не удалось. Он ничего не мог сделать: девчонка на скутере на всей скорости неслась прямо на него. Бум! Ужасный удар. Девушку подбрасывает, и она падает. Алессандро вжал тормоз до предела, зажмурился, сжал зубы, газеты летят на пол. Алессандро замирает от страха. Он вцепился в руль, крепко зажмурив глаза. Рядом кто-то гудит, сзади нервно начинают обгонять. Алессандро медленно выходит из машины. И видит ее. Она неподвижно лежит на земле с закрытыми глазами. Похоже, без сознания. О боже, думает Алессандро, что с ней? Он наклоняется. Ники медленно открывает глаза. И видит склонившегося над ней Алессандро. Она ему улыбается.

– Боже, ангел.

– Если бы. Я водитель.

– Какого хрена! – Ники потихоньку поднимается. – Куда ты смотрел, водитель хренов? О чем ты думаешь, когда машину ведешь?

– Я виноват, но, вообще-то, у меня было преимущество.

– Да о чем ты? Я видела, у тебя был знак стоп, ты что, не видел, что я еду? Ой, как больно! Локоть...

– Дай посмотрю. Да на нем даже царапин нет! А вот мне ты бок оцарапала!

Ники поворачивается и вытягивает шею, чтобы лучше рассмотреть.

– А ты посмотри, что сделал с моими брюками! На заднице разорвались!

– Да вы их так все носите.

– Что ты говоришь, придурок? Они были совсем новые, это же JennyArtis! Я их ни разу даже еще не стирала! Ты умеешь шить?

– Да какое там – шить...

– Помоги мне хоть скутер поднять!

Алессандро с трудом приподнимает скутер, Ники ему помогает.

– Слушай, ты спортом-то хоть занимаешься?

– Иногда...

– Ну давай, тяни...

Наконец они его ставят, но руль выскальзывает у Ники из рук.

– Ай!

– Ну что, опять? Повнимательнее!

Ники поправляет шапочку под шлемом:

– Мадонна, ты так же бухтишь, как мой папаша.

– Да у вас ни к чему нет уважения.

– Ну, теперь ты как мой дед. Вообще-то это у тебя ни к чему нет уважения. Смотри, что ты сделал с моим скутером! Переднее колесо изуродовано, и оба амортизатора погнулись под твоей чертовой машиной!

– Да подумаешь! Что такое колесо – заменишь его, и все.

– Конечно! Только сейчас мне надо в школу, а значит... – Она открывает сумку и, вынув цепь, прикрепляет ее заднее колесо скутера к столбу.

– А значит – что?

– Значит, ты отвезешь меня в школу.

– Слушай, у меня нет времени. Я опаздываю.

– А я уже трижды опоздала. Значит, победила я. Давай, поехали. А иначе тебе еще придется вызвать полицию, скорую помощь, и все такое. Так ты потеряешь еще больше времени. А повезешь меня до школы – мы кучу времени сэкономим.

Алессандро на минуту задумывается. И, фыркнув, кидает:

– Давай, садись. – Он открывает дверь и помогает ей сесть.

– Ой, больно... у меня сзади синяк, вот видишь?

– А ты о нем не думай. Куда тебя везти?

– В «Мамиани», за мостом Кавур, в район Прати.

– Ну, слава богу, мне тоже туда надо.

– Видишь, какое совпадение! Включи музыку! Класс! Ты меня подвезешь, это как будто у меня частное такси! Эй, сворачивай сюда, сократим немного, мама часто так делает.

– Хорошо.

Алессандро, не очень-то охотно, въезжает под запрещающий знак. И, не успев обогнать автобус, видит впереди полицейского. Тот уже его заметил и, зловеще улыбаясь, достает из верхнего кармана блокнот.

Едва они поравнялись с ним, Ники высовывается из окошка и громко кричит:

– А, глаза завидующие, руки загребушие! – и снова опускается на сиденье. Весело смотрит на Алессандро: – Я их ненавижу, этих полицейских.

– Вот здорово: если у меня и была возможность избежать штрафа, то теперь-то уж я его точно получу.

– Да ладно тебе ворчать! Подумаешь, штраф... ты же мне то же самое только что сказал про мое погнутое колесо!

– Ты просто невыносима. Ты специально это сделала, чтобы отомстить. Так мы никогда не договоримся...

– А нам и не надо ни о чем договариваться. Нам, главное, надо умудриться не подраться. И еще: не надо создавать аварийные ситуации на дорогах. Скажи-ка правду: ты рассеянный? А может, ты просто засмотрелся на какую-нибудь девушку, воспользовавшись тем, что ехал один?

– Вообще-то на работу я всегда езжу один. И не такой уж я рассеянный. Нужно очень постараться, чтобы меня отвлечь.

Ники начинает заводиться. Но тут она замечает газеты, валяющиеся у нее под ногами.

– А, вот! Ты читал! – Она поднимает «Мессаджера» и открывает его.

– Да нет, я просто краем глаза взглянул.

– Так я и знала! Мне надо было вызвать скорую, полицию и ущерб с тебя срубить!

– Ты, вместо того чтобы радоваться, что с тобой ничего не случилось...

– Да, как только понимаешь, какого несчастья ты избежал, сразу начинаешь думать, какую бы из этого извлечь выгоду. Так все делают.

Алессандро качает головой:

– Я хотел бы поговорить с твоими родителями.

– Да они бы тебя на порог не пустили. Для них дочка всегда права. Поверни направо: мы почти приехали. Вон моя школа.

Ники открывает газету и видит фотографию разбитых машин. И читает статью про BumBumCar. Закрывает глаза.

– Быть того не может...

– Может, может... вот именно это я и увидел... не хватало только, чтобы ты точно так же изуродовала и мою машину тоже.

Ники быстро читает статью, пытаюсь найти имена друзей. Так и есть: Фернандо – который собирал ставки.

– Ужас, не может быть!

– Что, ты кого-нибудь из них знаешь?

– Нет, просто мне стало страшно. Ладно, мы приехали. Остановись.

– Давай. Я уже опаздываю.

– А что с ДТП? Как поступим?

– Вот, держи. – Алессандро протягивает ей свою визитку. – Здесь мой телефон, мейл и все прочее. Можешь позвонить, и мы все решим.

Ники читает:

– «Алессандро Белли. Креативный директор». Важный человек?

– Да, весьма.

– Так я и знала! Я могла бы тебя по судам затаскать! – Ники, смеясь, выходит из машины.

Она берет каску, ранец и прихватывает «Мессаджера». – До скорого!

– Эй, газета-то моя!

– Скажи спасибо, что я диск не захватила! Рассеянный мужчина, доставивший проблемы женщине... – Она стучит по стеклу: – Смотри! – и машет перед ним его визиткой. – Если карточка фальшивая, я запомнила твой номер машины! Не вздумай со мной шутки шутить! Между прочим, меня зовут Ники.

Алессандро кивает, улыбнувшись. И резко трогается.

Несколько девочек торопливо взбегают по ступенькам. Среди них – Олли.

– Привет, Ники, мы опаздываем, как всегда? Слушай, классная машина, я видела, изда-лека не поняла, кто был за рулем: папа?

– Какая же ты глупая, Олли. Как будто ты моего отца не знаешь. Хочешь знать, кто это был? Мой новый парень. – И Ники крепко ее обнимает и бежит вверх по лестнице, увлекая за собой подругу.

Наверху Олли останавливается.

– Да ты что, сумасшедшая? Так нас заставят войти! Давай сачканем!

– Смотри, читай! – Ники протягивает газету. – Статья про ВВС. Если бы мы еще немного тогда остались, нас бы взяли!

– Да ты что? Мы в газете! Вот класс! Мы бы вошли в историю!

– Ну да! Максимум – в географию!

– Тихо, пошли. Хоть бы меня сегодня спросили... – И они входят в вестибюль как раз вовремя. Охранник с довольным видом, закрывает дверь, оставив на улице нескольких опоздавших учениц.

Глава тринадцатая

Алессандро, запыхавшись, вбегает в офис.

– Привет, Сандра! Леонардо уже пришел?

– Три минуты назад. Он у себя в кабинете.

– Фуууу... – Алессандро хочет войти, но Сандра его останавливает:

– Подожди, ты же знаешь, как у него заведено: он пьет кофе, листает газеты... – Сандра указывает взглядом на телефон, где набирается номер, который пока занят, – и, как обычно, звонит жене.

– О'кей. – Можно расслабиться: Алессандро падает на диван. Слава богу. Фууу... он боялся не успеть. Расслабив немного галстук, он расстегивает верхнюю пуговицу. – Остается только надеяться, что разговор с женой закончится хорошо...

– Ну, в этом-то я не уверена, – шепотом говорит Сандра. – Она хочет с ним развестись: уже не может больше терпеть некоторые его выходки.

– И что? Будет буря?

– Неизвестно. Если он откроет дверь и попросит послать ей как всегда, то у тебя есть надежда.

– Как всегда?

– Да, это условное обозначение. Это цветы с записочкой. Записки уже заготовлены. – Сандра выдвигает ящик и показывает ему множество записок, на каждой – имя Франчески и какая-нибудь особая фраза. Все записки подписаны им.

– Но, Сандра, даже если ты – его секретарша, разве можно быть настолько любопытной?

– Что? Как будто это не я по его просьбе выискивала все эти фразы! Я должна была выбирать лучшее из лучшего из современных, но неизвестных поэтов. Я нашла отличные. Вот это, например: «Я останусь, даже если меня не будет рядом; пусть я не буду обладать тобою, ты все же будешь по-прежнему моей». Сложно, запутанно, но классно, не находишь? – Сандра закрывает ящик. – Если автор этих строк когда-нибудь станет знаменитым, вряд ли он простит мне, что я у него их украла.

– Как минимум, Леонардо заявит, что это у него украли его фразу!

– Точно. Да еще и добавит, что именно благодаря ей он и прославился!

Из глубины коридора идет парень. Он высокий и худой, густые светлые волосы зачесаны назад. Ярко-синие глаза, на тонких губах играет чудесная улыбка. Губы слишком тонкие, такие бывают у предателей. Он пьет воду и улыбается. Сандра быстро задвигает ящик и снова принимает профессиональный вид. Парень подходит к ее столу.

– Ну как?

– Мне жаль, но пока еще разговаривает по телефону.

Алессандро внимательно смотрит на парня. Ему кажется, он где-то его видел, но где?

– Ну ладно, подождем еще.

Парень подходит к Алессандро и протягивает ему руку.

– Марчелло Санти. Очень приятно. Я знаю, тебе кажется, мы уже знакомы.

– Да... но когда... я – Алессандро Белли.

– Да, я знаю, я был этажом выше кабинета Елены, там, где высшее руководство.

– Ну да, конечно, – улыбается ему Алессандро, а про себя думает: «Вот почему ты мне так неприятен». – Мы однажды вместе ужинали.

– Да-да, мне пришлось тогда убежать пораньше.

«Да уж, – думает Алессандро, – потом мне пришлось оплачивать счет за тебя и за твою помощницу».

– Да, какая неожиданная встреча!

– А сейчас меня вызвали на это совещание.

Они посмотрели друг на друга. Алессандро зажмурился, пытаясь оценить ситуацию. Что все это значит? Что это еще за история? Разыгрывается мое место? Нас что, обоих вызвали на собеседование? Или он и есть новый директор, которого ищет Лео? Он хочет сообщить мне об этом прямо при нем? То есть я не только заплатил уже за него, мне еще придется устроить для него «последний ужин»? Он смотрит на Сандру, ища на ее лице какое-нибудь объяснение. Но она, прекрасно понимая немой вопрос Алессандро, мотает головой, слегка закусив верхнюю губку: нет, я ничего не знаю. Вдруг лампочка на телефоне гаснет. Еще мгновение – и дверь открывается: из кабинета выходит Леонардо.

– А, вы уже пришли. Извините, что заставил вас ждать. Прошу, входите. Кофе?

– Да, я бы с удовольствием, – мгновенно реагирует Марчелло.

Алессандро, не очень довольный, что не успел сказать это первым, добавляет:

– Спасибо, я бы тоже не отказался.

– Прекрасно. Значит, пожалуйста, два кофе, Сандра, и еще... пошлите, пожалуйста, как обычно, – вы знаете по какому адресу. Спасибо!

– Конечно, господин директор. – И она подмигивает Алессандро.

– Так, садитесь!

Леонардо закрывает дверь. Они оба усаживаются перед столом. Марчелло сидит, положив ногу на ногу. Алессандро немного напряжен. Он пытается устроиться в кресле: в конце концов он сгибается вперед, положив локти на колени и соединив руки. Он не может скрыть волнения.

Марчелло замечает это и слегка улыбается.

– Ну так вот... Начнем. – Леонардо сидит за столом, как бы прикрывая руками нечто, чего они никак не могут увидеть. – Что здесь у меня? Что я прячу?

На этот раз Алессандро успевает сказать первым:

– Все.

– Ничего, – говорит Марчелло.

Леонардо, улыбаясь, поднимает руки. На столе ничего нет. Марчелло облегченно вздыхает. Леонардо смотрит прямо в глаза Алессандро, и вдруг из одной его руки падает на стол какая-то вещь. Падает с глухим ударом. Марчелло меняется в лице. А Алессандро улыбается.

– Правильно, Алессандро. Здесь все. Все, что нас интересует. Эта пачка леденцов станет нашим поворотным камнем. Они называются «Ла Луна». И мы должны эту Луну завоевать. Как первый человек, который ступил на нее в тысяча девятьсот шестьдесят девятом. Мы должны сделать что-то похожее на то, что сделал тот американец, или даже лучше – обогнать японцев, а еще точнее – мы должны «завоевать» эту карамель. Вот эту самую.

Леонардо открывает пакетик, и на стол выкатываются леденцы. Алессандро и Марчелло подвигаются ближе и смотрят на них внимательнее. Леденцы в форме полумесяца с фруктовым вкусом.

Марчелло берет один. Рассматривает со всех сторон. И с сомнением в голосе спрашивает Леонардо:

– Можно?

– Конечно, пробуйте! Ешьте их, выпитывайте в себя, возьмите «Ла Луну» в свою жизнь, не думайте ни о чем, кроме этих леденцов.

Марчелло медленно кладет леденец себе в рот, глаза его полуприкрыты, и кажется, будто он пробует дорожное вино:

– М-м-м... по-моему, вкусно.

– Согласен. – Алессандро тоже уже попробовал. – Мне попался апельсиновый. Что ж, это неплохая идея: пустые руки, и вдруг из них сыплются лунные леденцы... Достань себе Луну.

– Да, но, к сожалению, это уже было у американцев в прошлом году.

– Да, – вступает Марчелло, – это были руки Патрика Суэйзи. Красивые руки: именно их выбрали для фильма «Привидение», там они в любовной сцене лепили из глины вазу, эти руки говорили Деми Мур о страсти. Там только руки и были видны. Заплатить только за одни руки два миллиона долларов...

– Вот именно. – Леонардо отъезжает назад в своем кресле. – Нам предложили четырнадцать. И плюс к тому – эксклюзивное право на всю продукцию «Ла Луна», с английским «The Moon» на два года. Они выпускают шоколад, жвачку, чипсы, даже молоко. Продукты питания с этой одной-единственной маленькой надписью. И у нас есть возможность получить эти четырнадцать миллионов долларов и эксклюзивные права. У нас. Если нам удастся убедить агентство, которое обратилось к нам за рекламой. Butch & Butch... Да, потому что японцы, которые далеко не дураки, подумали...

Тут стучат в дверь.

– Войдите.

Входит Сандра с двумя кофе:

– Вот сахар, молоко. Немного воды.

– Угощайтесь. Спасибо, Сандра. Вы послали как обычно...

– Да.

– На этот раз с какой фразой?

– «Ты – солнце, скрывшееся в тучах в дождливую погоду. Жду тебя, моя радуга».

– Прекрасно, с каждым разом все лучше и лучше. Что бы я без вас делал...

Сандра улыбается Марчелло, потом – Алессандро.

– Я каждый раз получаю от вас одни комплименты, а повышения зарплаты мне не дожидаться! – И она, улыбаясь, выходит.

– Дождешься, дождешься! Все, кто мне верен... – И Леонардо наливает себе стакан воды. «Кто верен, как я...» – заканчивает он про себя эту фразу. – Итак, мы говорили о том...

Марчелло понемногу отхлебывает кофе, Алессандро уже выпил свою чашку.

– Что японцы далеко не дураки.

– Вот-вот. Они даже, скорее, гениальны. Они предложили нам соревноваться с Butch & Butch, самым крупным агентством, это наш самый главный конкурент, нам надо у них выиграть. И поскольку я не гениален, как они, но, во всяком случае, я не глупее их, так вот – я их скопировал. Я всегда все копирую. В школе меня прозвали Копикопи. Так, значит, японцы столкнули нас с Butch & Butch? Прекрасно. А я столкну между собою Алессандро Белли и Марчелло Санти. Премия – четырнадцать миллионов долларов, два года эксклюзивных прав на «Ла Луну», а для вас – место креативного менеджера по внешним связям и, естественно, значительное повышение зарплаты. Реальное.

И в эту минуту Алессандро все понимает. Так вот почему было назначено это странное совещание с обоими одновременно. Он чувствует на себе взгляд соперника и оборачивается. Взгляды их встречаются. Марчелло прищуривается, он явно наслаждается брошенным им вызовом. Алессандро выдерживает его взгляд уверенно и спокойно. Улыбка у Марчелло безмятежная, коварная и хитрая.

– Все понятно. Заманчивое предложение. – И он протягивает Алессандро руку, подчеркивая тем самым, что вызов и вправду брошен.

Алессандро пожимает протянутую руку. В этот момент звонит его мобильник.

– Уупс, извините. – Он всматривается в номер, но не узнает его. – Извините! – И, слегка отвернувшись к окну, отвечает: – Слушаю.

– Эй, Белли, как дела? У меня – семь баллов, семь!

– Семь баллов?

– Да! Ты приносишь удачу, я один-единственный раз получила семь баллов: в первом классе по физкультуре! Ты слышишь меня? Или ты в обморок упал?

- Но кто это говорит?
- Как это – кто? Это я, Ники!
- Ники? Какая еще Ники?
- Как это – какая Ники?! Ты что, издеваешься? Это я, Ники, которую ты сегодня утром сбил, я ехала на скутере!
- Алессандро вновь поворачивается к Леонардо и улыбается:
- Ах да, Ники! Извини, но я сейчас на совещании.
- Да, а я сейчас в школе, если точнее – в мужском туалете.
- В этот момент кто-то стучит в дверь:
- Да сколько можно там сидеть!
- Ники отвечает мужским голосом:
- Занято, – и тихо добавляет в трубку: – Слушай, я вешаю трубку, там кто-то стоит за дверью. Знаешь, что самое непонятное? Что в школе совершенно негде поговорить спокойно! Представляешь? Например, если мне надо срочно сказать что-нибудь маме...
- Ники...
- Да, что такое?
- Я на совещании.
- Да, ты уже сказал.
- Я вешаю трубку.
- Ладно. Только я хочу что-то срочное сказать – не маме, а тебе. Можешь заехать за мной в половине второго? У меня тут одна проблема, а никто не может меня отвезти.
- Не знаю, смогу ли. Не думаю. У меня совещание.
- Сможешь... сможешь... – И Ники кладет трубку.
- Выйдя из туалета, видит перед собой того самого преподавателя, что только что поставил ей семерку. Ники быстро сует телефон в карман.
- Ники, но это, вообще-то, мужской туалет.
- Ой, простите!
- Не думаю, что ты так ошиблась. К тому же это туалет для преподавателей.
- Тогда простите меня дважды.
- Слушай, не заставляй меня пожалеть о семи баллах, что я тебе поставил...
- Обещаю вам сделать все, чтобы подтвердить их.
- Преподаватель, улыбнувшись, входит в туалет.
- И, прежде чем начнется урок синьоры Мартини, выключи телефон. – Дверь за ним закрывается.
- Ники вынимает мобильник и выключает.
- Готово, господин преподаватель, выключила! – кричит она в сторону двери.
- Молодец! Семь баллов твердые!
- Спасибо! – И Ники с улыбкой на губах идет к классу.
- Синьора Мартини только что вошла. Ники останавливается в дверях, снова включает телефон на опции «без звука». И с довольной улыбкой заходит в класс.
- Ну, Ондэ, как отметим мои семь баллов?

Глава четырнадцатая

Алессандро выключает телефон и поворачивается, улыбаясь:

– Все нормально, все нормально.

– Извини... – улыбается Леонардо, – я слышал, она получила семь баллов. Я и не знал, что у тебя есть дочка.

– Нет. – Алессандро немного смущен. – Это была моя племянница.

– Ну хорошо, значит, она молодец; когда вырастет, может, придет к нам в фирму работать. Если, конечно, мы еще будем существовать. Потому что это – наша последняя возможность. Франция и Германия нас уже обошли. Следом за нами идет Испания. Если мы не сумеем отхватить эти четырнадцать миллионов долларов и два эксклюзивных года с «Ла Луной», наша фирма... – Леонардо садится и скрещивает руки так, что получается чайка, медленно взмывающая кверху, – улетит. – И тут же его руки-крылья превращаются в крепкие кулаки, он стучит ими по столу. – Но мы не позволим им... Верно? Это я к будущему креативному директору обращаюсь. – И он смотрит на обоих, явно наслаждаясь эффектом. – Я не знаю, кто из вас станет им. Я знаю только одно: он не спасует перед испанцами. А теперь я хотел бы представить вам ваших персональных помощников. Все они ушли со своих предыдущих мест работы. Они будут следовать за вами всюду как тень. Нет, тень следует молча, они же будут помогать вам в поисках всего, что вам понадобится. Сандра! Пусть войдут ассистенты в том порядке, как я вам сказал.

Дверь тихонько открывается.

– Вот. Это – Алессия.

Алессандро вскакивает и здоровается с ней:

– Отлично! Лучше и не придумать! Она лучше всех подойдет для этой работы! Я рад, что буду работать с тобой!

Но Алессия ничего не говорит, по ней видно, что ей неприятно.

– В чем дело?

Тут вступает Леонардо:

– Она будет ассистенткой Марчелло. Вы двое слишком хорошо знаете друг друга. Вам нечем будет удивить друг друга, ничего нового вы друг другу не расскажете... А в этом деле нужны отношения взрывные, только так можно добиться необычайных результатов.

Марчелло встает и здоровается с ней:

– Очень приятно. Я много о тебе слышал. Уверен, что мы совершим с тобой великие дела, Алессия.

– Это для меня честь.

Они пожимают друг другу руки. Алессандро садится на место. Он немного разочарован и одновременно заинтригован, кто же будет его ассистентом.

– А для тебя... Вот твоя тень.

Алессандро перегибается через стол, силясь увидеть того, кто сейчас войдет в кабинет. И вот он входит. Алессандро глазам своим не верит.

– Нет... – Он падает в кресло и соскальзывает на край.

Леонардо роется в бумагах, пытаясь найти нужный листок.

– Как там его зовут, все время забываю его имя... А, вот, нашел! Твоего нового ассистента зовут... Андреа Солдини.

Андреа Солдини, широко улыбаясь, стоит в дверях.

– Всем добрый день!

– Итак, представляю тебе Алессандро, это человек, для которого ты будешь делать все, что он пожелает. Даже умрешь, если он попросит.

Алессандро смотрит на него насмешливо: «Вот именно. Ты вчера вечером неплохо потренировался».

Леонардо смотрит на него с любопытством:

– А вы что, уже знакомы?

– Да.

– Но вы же никогда раньше вместе не работали!

– Нет.

– Ну вот. Меня только это и интересует. Прекрасно! Итак, ступайте работать. Напоминаю: это игра, соревнование. Мы можем представить два проекта. Я ставлю на карту все. Кто из вас сумеет придумать лучшую идею для рекламы, которая обеспечит нам успех, тот и станет нашим креативным директором по внешним связям.

Марчелло выходит с Алессией. Оба они улыбаются. Алессандро также идет к выходу. Он подавлен. Смотрит на Андреа Солдини. Ничего не поделаешь.

– А, извините! – окликает их Леонардо. – Забыл вам еще кое-что сказать. То т, кто проигрывает, получит место в Лугано. Пусть победит сильнейший!

Глава пятнадцатая

Алессандро выходит из кабинета Леонардо. Он все еще не верит тому, что услышал.

– То есть... Быть того не может... – Андреа Солдини следует за ним как тень в буквальном смысле. – То есть меня будут сравнивать с этим? Все мои награды, мои победы, все мои успехи, все это снова будут сравнивать, и с кем? С человеком, о котором никто ничего не знает. Я о нем даже не слышал, об этом Марчелло Санти. Где он и что выиграл хоть раз? Я даже ни одного его рекламного ролика не помню.

– Э-э-э, если ты насчет этого, – раздается нерешительный голос Андреа Солдини, – он сделал рекламу леденцов «Голиаф», аперитива «Кродино», еще у него были ролики про кофе, например, помнишь, где чашечка кофе улетает в небо, как воздушный шар... Потом еще что-то про комаров... В общем, он тоже несколько премий получил.

Именно в эту минуту появляется Алессия, которая добавляет ложку дегтя:

– Он еще сделал рекламу леденцов «Салия», ту, где танцует красивая девушка.

Алессандро оглядывается:

– А где он сейчас?

– Пошел еще себе выбирать сотрудников. Мне очень жаль, что я не буду участвовать в этом соревновании в твоей команде.

– Знаю. Но ты тут ни при чем. И еще я знаю, что работа есть работа, и ты сделаешь все, чтобы победил он, это правильно.

– Еще и потому, дорогой мой, что в сентябре, независимо от результата, меня переводят в Лугано, и, если ты проиграешь, мы снова встретимся! – И Алессия отходит с явно недовольным видом.

– Конечно, но это если я проиграю! То есть... Есть девушка, которая работала со мной, а теперь будет работать против меня, с моим конкретным конкурентом. И мало того: она от души желает, чтобы я проиграл! Ну и ну!

Андреа пожимает плечами:

– Но ведь она хочет этого, чтобы быть с тобой... в Лугано.

Алессандро, чуть прищурившись, смотрит на него:

– Спасибо, ты очень любезен. Я не могу сказать, что не люблю Лугано. Просто не люблю проигрывать.

– Хорошо. Тогда сделаем все, что зависит от нас.

– Этого мало – сделать все возможное. Надо сказать – мы победим.

– Да, о'кей, мы победим. И еще: спасибо за вчерашний вечер... Я так рад, что ты никому ничего не рассказал, особенно... Видишь, это как знак свыше – что мы с тобой сегодня здесь... Я вчера говорил, что будет совещание, но я не знал, о чем пойдет речь. Ну и вообще – даже здорово, что вчера случилось то, что случилось, понимаешь?

– Почему?

– Это нас связало. То есть в некотором смысле я обязан тебе жизнью, вот я и стану твоей тенью. И еще один плюс после вчерашнего: ты уже никогда не забудешь, как меня зовут.

– Да уж, это точно. – Алессандро останавливается перед небольшим кабинетом. – А теперь я представлю тебе своих сотрудников.

Он открывает дверь, и за нею оказываются две девушки и молодой человек, сидящие за столом. Одна девушка рисует, другая листает газету, а парень рассеянно опускает и вынимает из стакана пакетик чая, чтобы он лучше заварился.

– Знакомься. Это – Джорджия.

Художница приподнимает каталог цветов и улыбается.

– А это – Микела.

Девушка откладывает газету и тоже улыбается.

– Это – Дарио.

Дарио пытается сфокусировать взгляд на вновь пришедшем.

– Друзья, это Андреа Солдини. Итак, мы должны выиграть в очень важном соревновании. Могу вам сказать только, что тот, кто победит, станет креативным директором в международном отделе, а проигравшая команда умрет. Группу смогут расформировать, а главное, меня пошлют в Лугано. Ясно? Следовательно, мы обязательно должны победить.

Дарио вопросительно смотрит на него:

– А наша начальница, Алессия?

– Она в группе противников. Или, лучше сказать, она стала нашим противником. А Андреа Солдини – ваш новый руководитель группы.

Дарио ушам своим не верит:

– То есть Алессия, со всем своим опытом, умением, иронией, решительностью, – во главе другой команды? А кто у них может стать креативным директором?

Алессандро улыбается, пытаясь не придавать своим словам слишком большого значения:

– Ну, некий Марчелло Санти.

– Что?! – Дарио и обе девушки вне себя от удивления. – Некий Марчелло Санти? Да он получил уйму премий! Леонардо сумел заполучить его, вырвав его у своих конкурентов!

Алессандро удивлен. Похоже, он один был в неведении относительно этого успешного рекламщика.

– Да еще вдобавок, – продолжает Дарио, – ему и Алессию дали! Ладно, ребята, до свидания.

– Куд а ты, Дарио? – спрашивает Джорджия.

– Искать другую работу. Лучше начинать все снова сейчас, чем когда станет поздно.

Алессандро останавливает его:

– Слушай, сейчас не до шуток... Именно сейчас начинается крутая игра... и играть в нее будут только лучшие.

И тут Андреа Солдини делает шаг вперед и преграждает Дарио выход.

– Не волнуйся так за будущее. Волноваться – это то же самое, что решать алгебраические уравнения при помощи жвачки. Настоящие жизненные проблемы – те, которые тебе раньше и в голову не приходили, – вдруг настигают тебя посреди дня, когда нечего делать. Делай каждый день то, что тебя пугает: пой!

Алессандро застывает, пораженный. Джорджия и Микела выслушивают этот монолог с улыбкой на губах. Дарио начинает хлопать в ладоши:

– Bravo! Если бы это не был финал «Большой сделки», звучало бы здорово!

Алессандро поворачивается к Андреа и смотрит на него в упор:

– Да, это действительно из того фильма, я его почти наизусть знаю...

Дарио отстраняет Андреа, чтобы уйти. Алессандро догоняет его и, взяв за плечи, прижимает к себе:

– Слушай, Дарио, мы рассчитываем на тебя. Нужно, чтобы ты остался, чтобы вы все остались в этот трудный момент. Дай я тебе хотя бы расскажу, о чем речь. Этот продукт – леденцы, «Ла Луна» – там такие конфетки в форме полумесяцев, разного вкуса. Вот пачка. – Он копается в кармане и вынимает оттуда коробочку, которую утащил из кабинета Леонардо. – Больше ничего не могу вам сказать.

Дарио берет коробочку и рассматривает ее. Она белого цвета, внутри – множество разноцветных полумесяцев. Дарио кидает в рот один леденец:

– Ну, по крайней мере, вкусно.

– Ну, так ты остаешься?

– Конечно, но пока я не понимаю двух вещей. Первая: почему без Алессии?

– Потому что Леонардо захотел перемешать карты. Он сказал, что мы с ней слишком хорошо знаем друг друга.

– Да, но с ней мы всегда выигрывали.

Алессандро разводит руками:

– Мне тоже это не нравится...

– Вторая вещь: почему ты не выбрал меня руководителем группы?

– Потому что Леонардо мне навязал Андреа Солдини.

– То есть он – его протеже!

– Да я бы не сказал. Леонардо даже имени его не помнил. Думаю, он действительно что надо. Ему только нужно дать возможность реализоваться. Ты дашь ему такую возможность, Дарио?

Дарио смотрит на него, вздыхает, разгрызает «Ла Луну» и выплевывает ее. Улыбаясь, кивает:

– Ну ладно... Ради тебя.

Алессандро хочет уйти. Дарио останавливает его:

– Слушай, мне не хотелось бы ошибиться, как ты сказал, его зовут?

Глава шестнадцатая

Коридор заполняется, как водный поток во время дождя. Смех, звонки сотовых телефонов, взгляды, которыми перебрасываются ученики. Ондэ выходят из класса. Олли вынимает из фольги бутерброд.

– Ух ты, какой огромный!

– Да, помидор, тунец и майонез.

– Ты сама, что ли, его сделала?

– Да нет, это Джузи, которая помогает нам по дому. Она сказала, что я ем слишком много фасованного дерьма, и всегда кладет мне свои бутерброды.

– А я возьму себе батончик с мюсли. – И Дилетта вприпрыжку несется по коридору, так что даже волосы подпрыгивают.

Автомат стоит за углом прямо по коридору. Перед ним толпятся ребята, нажимая кнопки по выбору. Некоторых Дилетта знает.

– А мне – сэндвич. – Какой-то парень обращается к стоящей с ним девочке.

– Хочешь этот, с соусом? Давай бери его.

– Ух ты, там даже соус? Угости меня, я тебя в субботу пиццей угощу.

Но девочка, кажется, не согласна:

– Пицца и кино.

– Ну ладно, ладно... Видишь, он мою монету не берет.

Дилетта смотрит на девочку, стоящую в очереди перед ней. Та положила один евро в щель, но автомат уже несколько раз «выплюнул» монету обратно. Парень шарит в карманах. Находит еще один евро и кидает его. Результат тот же.

– Чё, не берет? – кричит человек, наполняющий другой автомат напитками.

– Нет, – отвечает девочка.

– Он проскакивает. У тебя хорошая подошва?

– Подошва?

– Да, резиновая подошва на обуви. Надо положить евро на пол и потереть подошвой.

– Блииин. Да это просто шляпа, – говорит парень.

– Ну делай как знаешь, по-другому не получится. – И он продолжает возиться с аппаратом.

Ребята смотрят на него раздраженно и уходят. Теперь очередь Дилетты. Она уже несколько раз сжимает и трет между пальцами свой евро, надеясь, что какая-нибудь энергетическая сила избавит ее от повторения судьбы предыдущей пары. Она вставляет его в щелочку. Бам! Звук падающей монеты цинично отдается на самом дне. Чуда не случилось: ее монетку постигла та же судьба. Еще одна попытка. Все напрасно. Дилетта начинает злиться и сильно пинает машину. Рабочий смотрит на нее осуждающе.

– Дай-ка я попробую! – раздается чей-то голос у нее за спиной.

Она оборачивается. Высокий смуглый зеленоглазый парень со смущенной улыбкой смотрит на нее. Он тоже роется в кармане и достает евро. Кидает его в аппарат. Плинк! Совсем другой звук. Он проглотился.

– Пока ты билась с этой машиной, я сделал, как советовал этот человек.

Рабочий оборачивается и улыбается:

– Ну вот, хоть один стоящий тут нашелся. Слушайтесь знающих людей.

– Что ты хотела взять? – снова заговорил парень.

– Что? А, вот этот с мюсли.

Парень нажимает на кнопку, и пачка падает вниз. Наклонившись, он ее берет.

– Вот, держи.

- Да не надо было. Возьми евро.
 - Не надо, ты же видела, он проскакивает. Мне такой не нужен.
 - Нет уж, возьми. Ты же умеешь его заряжать. Я не люблю быть должницей.
 - Должницей? Из-за батончика с мюсли?
 - Да, я не люблю. Ну ладно, спасибо. – И она уходит, не сказав больше ни слова.
- Парень с озадаченным видом стоит на месте. Рабочий отрывается от аппарата:
- По-моему, ты ей понравился.
 - Еще бы. Любовь с первого взгляда.

Дилетта возвращается к Ондэ. За это время Олли уже проглотила свой бутерброд.

- Вкуснотища! Ой, девчонки, аппетит – это как в сексе: чем он больше, тем лучше!
- Олли! Ты достала уже!

Дилетта разворачивает свой батончик и откусывает кусочек.

- Машина не хотела евро брать.
- Ты ее попинала как следует?
- Нет, мне там один помог...
- Один – кто?
- Да откуда мне знать? Он мне купил.

– А! Ты поняла, Ники? Один там купил! – Они все втроем начинают кричать: – Наконец-то кто-то, наконец-то кто-то! – и толкают со всех сторон Дилетту, которая сначала делает недовольное лицо, но потом принимается смеяться вместе с подругами.

Вдруг они замолкают. Дилетта оборачивается. И Эрика, и Ники. Олли одна продолжает кричать: «Наконец-то кто-то!» – но и она замолкает.

- Что случилось?
- Вот этот кто-то, – говорит Дилетта и быстро заходит в класс.

Парень останавливается рядом с ними. В руках у него такой же батончик, как у Дилетты.

- Наконец-то кто-то. – И он широко улыбается.

Глава семнадцатая

– А теперь найдите мне все, что только можно, из всей рекламы леденцов, сделанной когда-либо в Италии. Даже нет. В Европе. Или лучше – в мире.

Джорджия смотрит на Микелу и, улыбаясь, кивает на Алессандро:

– Я схожу с ума, когда он так говорит.

– Да, я тоже, в такие моменты он становится моим идеалом мужчины. Жаль, что после окончания проекта он станет как все: холодным, равнодушным и, главное, уже занятым.

– Да ты что, не знаешь главную новость? Он расстался с ней.

– Да?! Быть того не может. М-м-м... Ну, тогда он становится еще интереснее. Это правда? Он расстался с Еленой? Вот почему вчера вечером все пошли к нему домой... эти русские девицы... теперь все становится ясно.

– Какие русские девицы? Что было вчера вечером? Только не говори мне, что там были эти наши модели!

Входит Дарио.

– Что еще за ваши модели! Это модели нашей фирмы, «Освальдо феста», у нас с ними контракт. Это наш символ, наш амулет. А вы что, ревнуете?

– Мы? Да за кого ты нас принимаешь?

И тут входит Алессандро.

– А можно узнать, чем вы тут заняты? Не хотите ли начать работать? Давайте, вперед, думайте, ищите, выжимайте из своих головешек что там еще осталось! Я не собираюсь ехать в Лугано и вас не хочу потерять!

Джорджия толкает Микелу:

– Видишь, он меня любит!

Та прыскает и шепчет в ответ:

– Тебя? Он во множественном числе сказал, значит, и меня тоже имел в виду.

– Давайте, за работу!

Андреа Солдини подходит к Алессандро. Тот смотрит на лежащие перед ним леденцы. Закрывает глаза. Включает воображение. Ищет вдохновения. Андреа хлопает его по плечу:

– Мне жаль.

– Это ты про что? Мы только начинаем эту игру. Если так пойдет, мы победим.

– Да нет, я про Елену говорю.

– Елена? А при чем здесь Елена?

Андреа оборачивается к Джорджии и Микеле, которые тут же бросаются к компьютерам и ищут там что-то.

– Ну прости, я ошибся... я думал...

– Молодец, думать – это именно то, чем тебе нужно сейчас заняться. Но думать о леденцах «Ла Луна». Только о них. Всегда, беспрестанно, ежеминутно, ежесекундно, это должно стать твоей навязчивой идеей, идеей фикс, пока не найдешь решение. А если ты его не найдешь, снова начинай думать о «Ла Луне», едва проснешься, с самого утра. «Ла Луна»... «Ла Луна»... «Ла Луна»...

Звонит телефон.

– И когда у нас собрание, когда идет мозговой штурм, когда мозги напряжены и все работают над одной задачей – выключайте ваши долбанные телефоны.

Джорджия подходит к нему и протягивает «моторолу»:

– Держи, босс, это твой.

Алессандро немного смущен:

– А, да... правда... Ну ладно, во всяком случае, босс мне больше нравится, чем шеф. Да, слушаю, кто говорит?

– Но почему ты еще не записал мой номер? Это Ники.

– Ники...

– Ну та, что ты сбил сегодня утром.

– А, ну да, конечно, Ники... Слушай, я сейчас ужасно занят.

– Ладно, не переживай, когда мы встретимся, я тебе помогу. И сделай милость: запиши мой номер, тогда ты сэкономишь кучу времени, когда я буду тебе звонить и каждый раз напоминать тебе о том, что ты виноват...

– Хорошо, хорошо, хватит, я запишу.

– И еще просьба: поставь мое имя – Ники, просто Ники. Это никакое не сокращение, это мое имя! И не надо никаких Николетт, Николин, Николь и прочих.

– Я понял, понял. Это все?

– Нам надо встретиться, чтобы обсудить один вопрос.

– Какой вопрос?

– ДТП. Мой скутер. Нам надо заполнить этот лист, как он называется?

– Страховку.

– Ну да, страховку. И еще. Я тебя уже просила съездить со мной к автомеханику. Не могу же я остаться без скутера!

– А я не могу остаться без работы. Мне нужно срочно найти одно важное решение, а у меня мало времени.

– Сколько?

– Месяц.

– Месяц? Да за месяц столько всего можно решить! За месяц можно даже в Лас-Вегасе устроить свадьбу!

– Но мы в Италии, здесь все гораздо сложнее.

– Понятно. Я решу все твои проблемы. Жду тебя в половине второго у школы. Помнишь, где это?

– Да, но...

– О'кей, тогда пока, до скорого!

– Слушай, Ники... Ники? Алло! – Он набирает ее номер. – Ребята, я иду к себе в кабинет. Продолжайте работать. «Ла Луна», «Ла Луна», «Ла Луна»... Вы слышите? Решение носится в воздухе. «Ла Луна», «Ла Луна»...

Алессандро выходит. Ники. Этого только не хватало. Джорджия и Микела, оставшись одни, переглядываются.

– Кажется, босс быстро утешится.

– Будем надеяться. Когда он такой нервный, хуже работается.

Вдруг раздается голос Андреа Солдини:

– Я читал где-то одну интересную вещь: любовь – это мотор. Классно, да? Любовь заставляет крутиться все вокруг.

Дарио качает головой:

– Так. Я иду искать рекламу, которая касается леденцов.

И, прежде чем уйти, подходит к Микеле:

– Сам не знаю почему, но мне до смерти не хватает Алессии.

Глава восемнадцатая

- Алло, ты меня записал в телефоне?
- Да.
- Отлично. Ну так что?
- Что «ну так что?»
- Ну, сколько тебе времени понадобится... давай быстрее...
- Я почти приехал...

– Ой, слушай, мама приехала; если она меня застукает, я пропала...

– Слушай, а почему ты говоришь, что... Алло! Ники! Алло! – Алессандро смотрит на телефон: – Во дает. Она снова отключилась. Ну и воспитание.

Он жмет на педаль и быстро подъезжает к углу школы. Ники уже ждет его. Она бежит к «мерседесу» и, быстро запрыгнув в него, пригибается почти до самого пола. Алессандро медленно трогается и, объехав припаркованные у школы машины, уезжает. Ники распрямляется и выглядывает в окошко.

– Вон видишь ту женщину, что стоит рядом с «жуком»⁷? – Ники снова пригибается. – Это моя мама. Не останавливайся, не останавливайся! Давай быстрее!

Алессандро едет на той же скорости.

– Мы проехали, можешь подниматься. Красивая женщина. Ники устраивается на сиденье и смотрит на него неодобрительно:

- Не надо о моей маме говорить.
 - Да я просто комплимент ей сказал.
 - Для тебя моя мама не существует. Значит, и комплимента быть не может.
- Сотовый Ники начинает звонить.

– Нет, только не это! Это она! Блин, я надеялась, она мне хоть немного времени даст... хоть вздохнуть свободно... Остановись-ка здесь. – И, сделав ему знак молчать, она набирает номер: – Мама?

– Ты где?

– Я у Олли. Мы немного раньше сегодня ушли.

– О боже! Ты что, не помнишь: мы же договорились, что я за тобой заеду, ты оставишь скутер и мы поедem к парикмахеру?

Ники хлопает себя по лбу:

– Точно! Мамочка, я совершенно забыла, прости!

Симона, мама Ники, качает головой:

– Да что же это с тобой творится-то, а? Это экзамены так на тебя действуют или тот парень, как его, Фабио, не отпускает тебя ни на шаг?

– Ну мам, что, тебе именно сейчас все это надо выяснять? Я же у Олли!

Ники заговорщицки подмигивает Алессандро, как бы говоря: «Я немного преувеличиваю, правда?»

– В любом случае, мы с ним расстались!

– Ну, наконец-то одна хорошая новость!

– О'кей, мама... Слушай, мы тут с Олли сходим куда-нибудь поесть, я поздно вернусь, не ищите меня, ладно?

– Но, Ники, разве тебе не надо готовиться к экзаменам?

– Пока, мама...

⁷ «Фольксваген» (разг.).

И Симона тоже молча смотрит на экран телефона: Ники отключилась. Она ставит телефон на вибрацию и блокирует клавиатуру. Чуть приподнявшись, засовывает его в задний карман джинсов. Алессандро с улыбкой смотрит на нее.

– И часто ты обманываешь маму?

– Не очень. Например, сейчас я правду сказала: мы расстались. И вообще, тебе-то какая разница? Ты мне не папочка! Вот, поверни сюда. – Ники хватается за руль и вместе с ним выворачивает его.

– Отпусти! Что ты делаешь? Еще немного – и мы бы в столб въехали!

Ники усаживается на сиденье:

– Какой же ты зануда!

– При чем тут зануда? Ты могла бы мне бампер пробить, и потом машину можно было бы выкинуть.

– Не преувеличивай.

– А ты видела, как ты мне бок процарапала своим скутером?

– Процарапала... Да там малюсенькая царапинка. Ты все время преувеличиваешь, говорю же.

– Ну конечно, машина-то не твоя...

– Ну вот, ты совсем как моя мамочка! Давай, поучи меня: чужая собственность... Осторожно!

Алессандро тормозит и резко останавливается. Перед ним на раздолбанном скутере «кимко» несется парень, а на заднем сиденье – вцепившаяся в него смуглая девушка: они несутся, не глядя по сторонам, не останавливаясь на знаке «Стоп». Или им просто наплевать. Алессандро высовывается из окна:

– Дебилы! – Но те уже далеко. – Нет, ты видела? Они даже не посмотрели, не остановились на знак! А потом говорят: аварии...

– Да ладно тебе, не занудничай. Главное, мы их увидели и не столкнулись, правда? Может, у них важная встреча...

– Да, в такой одежде.

– Может, едут на собеседование. Им нужна работа. Не у всех же есть папочки... Мама миа! Так ты старпер? Еще судишь людей по одежде?

– Да нет, не по одежде, а так, по общему виду... Им не хватает уважения к другим. Нет систем ценностей.

– Боже. Ну ты точно как мой папочка!

– Слушай, ты упростила меня встретить тебя и отвезти... Ладно... но ты еще и на ссору набиваешься?

– Да нет же! Если бы ты с теми столкнулся, я бы твоим свидетелем была. Ну, ты видишь, ты с самого утра немного рассеян. И меня утром сбил. Не будешь же ты это отрицать? Ну ладно, поверни на следующей.

– Но куда мы едем?

– На станцию техобслуживания, я договорилась с мастером, он нас ждет. Еще раз сверни. Тихонько... Вот, приехали.

Но железные ставни станции закрыты.

– Ну вот... он меня не дождался... Закрылся. Вот блин. И что мне делать?

– Как «что делать»? У тебя ведь теперь есть персональный водитель!

– Ну да, мне сегодня надо в кучу мест, но без тебя.

– А, ну да.

– Что значит «а, ну да»?

– Что меня предусмотрено не было. Ты ведь не могла предусмотреть, что с тобой буду я.

– Конечно, мы же не были знакомы...

Ники выходит из машины:

– Ты ведь просто дорожно-транспортное происшествие. – И она закрывает дверь.

– Верно. Но происшествие может быть как негативным, так и позитивным. В зависимости от того, как на него посмотреть. Насколько от него меняется отныне твоя жизнь. Так ведь?

Ники подходит к своему скутеру, стоящему около ставен. Садится на него. Два раза резко ударяет ногой по педали. Мотор не заводится.

– Пока что я смотрю и вижу, насколько поменялась моя Милла.

– Милла? А кто это?

– Мой скутер.

– А почему Милла?

– А что, всегда нужно объяснять почему?

– Мама миа, ты тоже можешь быть занудой...

Ники почти не слушает его и ныряет под скутер.

– Так и знала: он вынул свечу. Понятно: после удара она так и не поехала. Вот блин.

Она подходит к «мерседесу» и вытирает руки о джинсы. На них остаются жирные следы. Она открывает дверь и заносит ногу в машину.

– Извини, что ты делаешь?

– Как это – что? Сажусь в машину.

– Понятно. Но посмотри на себя, ты же грязная! На, возьми!

Он бросает ей кусок бежевой замши. Ники, улыбнувшись, протирает руки.

– Вообще-то ты прав, есть одно «почему»... На самом деле у нас все классно!

– Что – у нас?

– Ну, в смысле – мы такие разные. Во всем. Есть риск, что мы бесповоротно влюбимся друг в друга.

Алессандро, улыбнувшись, заводит мотор.

– Ты прямо с места в карьер.

– А что в этом плохого? Чего тянуть-то? Я предпочитаю все прямо говорить.

– Почему ты такая? – Алессандро поворачивается и смотрит на нее внимательно. – Из-за любовного разочарования? Или у тебя родители развелись? А может, тебя в детстве изнасиловали?

– Нет, в молодости. Сегодня. В «мерседесе». Может, я и иду с места в карьер, зато ты – медленно запрягаешь. Не знаю, почему я такая. И потом, что значит «почему»? Я же сказала: иногда на этот вопрос ответа нет. Я такая, как есть: всегда говорю то, что думаю. Мне пока можно, правда?

Алессандро улыбается:

– Конечно, конечно, у тебя вся жизнь впереди.

– У тебя – тоже. Жизнь кончается тогда, когда перестаешь дышать. Как тебе?

– Неплохо.

– Моя собственная мысль. Но тебе могу ее подарить. А знаешь, мне так хорошо сейчас! Я чувствую себя свободной, счастливой, спокойной. И мне страшно, что скажи я это вслух – и ты исчезнешь! – Алессандро смотрит на нее. Хорошенькая. Веселая. И очень – очень молодая. – И особенно я счастлива, что сделала правильный выбор.

– В смысле – правильную школу?

– Да нет же! Я вчера окончательно заявила своему парню, что у нас все кончено. Аннулировано. Обнулено. Улетучилось. Испарилось.

– Понял-понял суть. Знаешь, если ты используешь столько разных слов, это значит, что история была важной.

– Совсем наоборот.

– Ну ясно, ты пытаешься меня обмануть. Похоже, тебе сильно не по себе.

– Сейчас уже нет. Но в тот вечер, когда он отправился на концерт Робби Уильямса со своим другом... То есть, понимаешь, он меня не взял. А пошел с другом, как тебе? Вот тогда я ужасно переживала. Но когда я решила, что все кончено, мне стало легко.

– Понятно. Тогда почему ты такая злющая?

– Потому что я не сразу порвала, я не послушала свое сердце.

– А может, ты еще не была готова?

– Не в этом дело. Я обманывала саму себя. И тянула, тянула. Прошло два месяца с того момента, как я решила. То есть я врала сама себе целых два месяца. Куда это годится? Можно врать кому угодно, но только не себе самому.

– Ну ладно. Лучше поздно, чем никогда.

– Вот теперь ты похож на мою тетушку.

– А что я должен говорить? Или мне надо молчать как рыба?

– Ну вот... Именно это всегда делает мой братец...

– Теперь я понял, почему тебе так хорошо со мной: тебе кажется, что ты находишься в кругу семьи.

Ники хохочет:

– Это ты классно сказал! Ну и насмешил ты меня! Здорово! Правда, я на тебя другими глазами начала смотреть! Честное слово!

– Я получил несколько очков?

– Совсем немного, на самом деле ты еще очень далеко; после ДТП с моей Миллой у тебя только – только двадцать в классификации... Да и одеваешься ты так, словно косишь под молодого...

– То есть? – Алессандро осматривает себя.

– Темный костюм и на ногах – «адидас», голубая рубашка слишком светлая, расстегнутый воротничок и галстука нет.

– Ну и что это, по-твоему, значит?

– Отчаянная попытка вскочить в последний вагон уходящего поезда. Ты пытаешься затеяться среди нас, молодых, как бы говоря: «Эй, смотрите, я один из вас!» Но ты-то уже не такой...

Алессандро, улыбаясь, качает головой:

– Мне жаль, но у тебя неправильное обо мне представление.

Ники с ногами забирается на сиденье. Не снимая обуви.

– Опустит ноги на пол! – Он слегка ударяет ее по ногам.

– Зануда. – Лицо ее становится хитрым, как будто ей в голову пришла какая-то идея. – Давай сыграем в одну игру. Что тебе во мне понравилось?

– А что, мне обязательно должно было что-то понравиться?

– Ну, в общем, обычно, когда ты с кем-нибудь знакомишься, тебе всегда что-то в нем нравится, а что-то – нет. Ну, не знаю, может, тебе не нравится запах крепких духов, или слишком длинные волосы, или что человек жует жвачку, или кладет ноги на сиденье... Ну так вот: что тебе во мне понравилось?

– Твоя смелость. После ДТП ты сразу встала на ноги. Ты не испугалась. Ты сразу оценила ситуацию. Здорово. Seriously говорю. Именно в таких неожиданных и стрессовых ситуациях и видны настоящие качества человека.

– Ну, если по ним судить, ты просто ужас! Ты орал как недорезанный! Тебя только твоя машина волновала.

– Ну и что? Я же видел, что с тобой все в порядке!

– Да-да, так я тебе и поверила... – На минуту Ники становится серьезной. – А что тебе не понравилось во мне?

Алессандро немного думает.

- Так. Ну, скажем... – Список ему кажется весьма длинным.
- Нет-нет, я передумала! Я совершенно не хочу знать...
- Алессандро, развеселившись, продолжает вести машину.
- Послушай, если кто-то не принимает критику, лучше он не станет...
- А кто тебе сказал, что я хочу стать лучше? Из всех девчонок, которых я знаю, я выше среднего! А значит, я совсем не хочу становиться слишком сумасбродной. Я тогда никому не буду внушать симпатию. А симпатия – это главное. Она рождается из несовершенства. Например, в тебе меня поразила одна вещь, несмотря на твои переживания по поводу машины.
- М-м-м... не слишком ли много комплиментов? Здесь что-то нечисто.
- Вот видишь, какой ты подозрительный! Так я и думала. Ты же знаешь, что я всегда говорю то, что думаю.
- И даже когда обманываешь маму?
- Вот именно. Я всегда говорю ей то, что, думаю, ей будет приятно.
- Ники снова подтягивает колени и, поставив ноги на сиденье, обхватывает их.
- Убери ноги с сиденья!
- Уф-ф, ну ты и зануда! – Ники ставит их на приборную панель.
- Убери ноги.
- Занудятина!
- Давай я отвезу тебя домой. Ты где живешь?
- Вот, я нашла недостаток. Ты слишком правильный. Ты все знаешь. Что надо делать, куда ехать, почему. Но почему ты такой? Зачем тебе надо все контролировать? Ты бухгалтер чувств. Обличитель безумств. Калькулятор случайностей. Жизнь невозможно свести к чистым расчетам. Извини, а чем ты занимаешься?
- Я креативщик.
- И как же ты креативишь, если ты душишь и убиваешь любую непредвиденность? Творчество рождается от озарения, благодаря ошибке в череде обычных явлений.
- Прекрасно. Ты еще и философ.
- Это не я сказала. Это Уильям Хацлит.
- А кто это?
- Сама не знаю. Знаю только, что это он сказал... Я прочитала в своем ежедневнике.
- Ты в старших классах? Я читал где-то, что это высшая точка знаний человека...
- Что за чушь?
- Именно в этом возрасте человек выбирает собственный путь, свою профессию, читает много о будущей специализации...
- Слушай, когда ты так говоришь, меня тошнит. Ты видишь жизнь как отсутствие свободы. А жизнь – это свобода, так должно быть. И нужно жить так, как будто так оно и есть.
- В самом деле, кто ж тебе не дает... Ты сможешь выбрать себе профессию. Какую бы ты хотела?
- Хочу серфингом заниматься.
- Это не профессия.
- Слушай, у меня идея! Сверни-ка. Езжай прямо, здесь все время прямо. В конце – направо.
- Да здесь же одностороннее движение!
- Опять? Мама миа, какой же ты зануда!
- Я не зануда, я ответственный. Хотелось бы избежать лобового удара. А вот ты – безответственная. Прямо как те двое на скутере. Если поехать по этой дороге по встречке, можно в ДТП угодить.
- Вообще-то до сих пор аварии устраивал ты. Если только...
- Что?

- Если ты все не подстроил, чтобы со мной познакомиться.
- Да уж, план что надо... Я бы уж тебя просто остановил и спросил, как тебя зовут. Тогда бы машина целая осталась...
- Жаль, мне было бы приятнее узнать, что ты специально меня сбил.
- Почему ты иногда так ребячишься?
- Да потому что я еще ребенок, папа! Вот тут поверни направо. Здесь можно.
- А потом?
- Потом мы окажемся в центре. Ты же знаешь виа дель Корсо?
- Конечно, знаю. И еще мне известно, что там нельзя парковаться.
- Да подумаешь! Немного пройдем пешком. Тебе, как креативному директору, надо дышать одним воздухом с людьми, творить с ними, для них. Вот. – Ники снова хватается руля и слегка поворачивает его. – Вот сюда.
- Тихо ты, сейчас ударимся!
- Ладно, только поставь ее здесь, просто идеально!
- Идеально для получения штрафа. Ах да, ты ведь не обращаешь внимания на дорожные знаки!
- Слушай, в это время полицейские обедают. – И Ники, смеясь, вылезает из машины. Алессандро, качая головой, выходит и закрывает машину.
- Если назначат штраф, заплатишь половину.
- Ники берет его под руку и увлекает за собой.
- Конечно-конечно, креативщик! У тебя на все готов ответ: в нужный момент, в нужном месте!
- Неожиданно у Алессандро звонит телефон. Он вынимает его из кармана и смотрит на номер.
- Извини, мне надо по работе ответить. Да, слушаю!
- Чао, Алекс, это Джорджия. Мы готовы. Собрали материал, кассеты, все прошлые ролики. Тут прорва леденцов. Если делать все быстро, может, что-нибудь и получится.
- Алессандро смотрит на Ники. Та изучает витрину: рассматривает брюки. Обернувшись, морщит носик, как бы говоря: «Нет, не нравится».
- Хорошо. Начинайте их смотреть без меня.
- А ты, когда ты придешь?
- Чуть позже. Я к вам присоединюсь.
- Ники, услышав это, вынимает из портфеля листок бумаги и что-то на нем быстро пишет. И показывает ему.
- Ты сегодня работаешь в свободном режиме вдохновения. Скажи это им. Креативность и безумие. И пошли все на... – И Ники трясет у него перед носом бумажкой.
- Алессандро думает, что, пожалуй, Ники права. И он громко читает в трубку то, что написано у него перед глазами:
- Сегодня работа в свободном режиме вдохновения: креативность и безумие. И пошли... – Он не решается произнести неприличные слова. Зажмурив глаза, ждет ответа сотрудницы.
- Ты прав, Алекс. Браво, это великолепное решение. Возьмем тайм-аут. Надеюсь, эта пауза будет продуктивной. Так и сделаем. До завтра. Чао.
- Алессандро в замешательстве смотрит на телефон:
- Невероятно. – И кладет его себе в карман.
- Ники дергает плечом:
- Вот видишь? Она со мной согласна.
- Странно... Обычно она впадает в ярость, она работает как сумасшедшая!
- Сколько времени, ты сказал, вам отпущено на этот проект?

– Месяц.

– Это даже слишком много.

– Я бы не сказал.

– Нет, потому что ты знаешь, самые лучшие решения можно найти на ходу: они здесь, висят в воздухе, ждут своего часа. Надо только суметь поймать их. А это может случиться в любой момент жизни. А когда думаешь о чем-то слишком настойчиво, ничего не получится.

– Это что, тоже мысли Уильяма Хацлита?

– Не хочу хвастать, но это мои собственные.

Глава девятнадцатая

– Закрой глаза, Алекс. Дыши глубже, вдыхай людей.

Ники, подняв глаза к небу, идет по тротуару, то и дело наталкиваясь на людей.

– Чувствуешь их? Только люди... только они должны царить в твоей душе. Ни о чем не думай и дыши.

Остановившись, она оборачивается. Алессандро сильно отстал: он стоит, закрыв глаза, как бы вносясь в воздух. Открыв один глаз, смотрит на нее:

– Я чувствую какой-то весьма странный запах... Ники улыбается:

– Это верно. Здесь только что проехала лошадь в упряжке. – Рядом с Алессандро на земле заметны ее «следы».

– Вот почему мне казалось, что все люди пахнут дерьмом...

– Очень остроумно! Прекрасно сказано. Правда смешно. Слушай, а ты-то сам какую роль играешь в своей фирме?

– Очень важную.

– Не сомневаюсь. Наверняка по страшному благу устроился.

– Вовсе нет. Я закончил Боккони в Милане, потом защитил магистерскую в Нью-Йорке и вот приехал сюда, никакого блага.

– Ну, а кроме своих шуточек, что еще ты делаешь в своей фирме?

– Придумываю рекламу, которая так тебе нравится: там хорошая музыка, красивая женщина или что-нибудь еще подобное. В общем, я придумываю все то, что потом цепляется у тебя в голове, и, когда ты идешь в магазин, ты непроизвольно покупаешь то, что подсказал тебе я.

– Неплохо звучит. Короче, ты можешь убедить кого-то сделать что-то...

– Ну, в общем...

– Тогда ты мог бы и с моей училкой по математике поговорить? А то она вечно цепляется ко мне...

– Ну, с чудесами у нас пока не налажено.

– Ну вот, так я и знала. Ой, давай зайдем вот сюда, в магазин музыки!

И она почти заталкивает его в большой магазин, забитый CD, DVD и книгами.

– Эй, Пепе, привет! – Ники здоровается с громадным охранником, стоящим на входе. Черная майка, черные джинсы, лысина и огромные бицепсы.

– Привет, Ники, уже носишься с утра пораньше? Что, жарко? – И он становится в позу, как в рекламе: – У-ух, Ники. Жара!

Ники смеется:

– Ну, Пепе, не так уж и жарко!

Они входят в магазин и теряются среди тысяч полок. Ники, взяв какую-то книгу, листает ее. Алессандро подходит ближе.

– А ты знаешь, что ту рекламу, что изобразил твой туповатый дружок Пепе, сделали наши конкуренты?

– Пепе не туповатый. Он очень милый. Чудесный человек. Видишь, как внешность бывает обманчива? Мускулы, черная майка и лысина – вот он уже и отрицательный персонаж.

– Для меня внешность очень важна. И не ты ли велела мне смешаться с народом и вдыхать его?

– Нет, я сказала тебе, чтобы ты им дышал, а не смотрел на всех поверхностно. А тебе достаточно увидеть на человеке облегающую черную майку, чтобы прицепить к нему ярлык. А он, между прочим, закончил Институт биотехнологий.

– Вообще-то я не высказывал о нем свое мнение.

– Ты сделал хуже: припечатал ему клеймо.

– Я только сказал, что он изобразил рекламу наших конкурентов.

– Значит, ваши конкуренты молодцы, уверена, что они-то и выиграют.

– Спасибо. Что-то мне захотелось пойти на работу.

– Молодец. Тогда ты точно проиграешь. Ты должен дышать людьми, а не офисной пылью. Как знать, может быть, именно Пепе может подсказать тебе какую-нибудь идею, вдохновить тебя. А ты так плохо о нем отзывался.

– Ты опять? Я не отзывался о нем плохо. По-твоему, я настолько глуп, чтобы плохо отзываться о таких, как он?

– Ну, непосредственно ему в глаза ты ничего такого не сделал, но у него за спиной – да, ты отзывался...

– Ну хватит, мне надоело.

– Ой, смотри, здесь много CD Дамина Райса! О, «B-Sides», это же новый! Дай-ка я послушаю! – Ники надевает наушники. – Вот, почитай: классно – «Sleep Don't Weep». – И она, покачиваясь в такт, слушает музыку. – Да, я хочу купить это. Такая музыка меня прикалывает. Прекрасная, романтическая. Мелодия нашей истории должна быть позитивной...

– Пардон, какой такой нашей истории?

– Каждый миг нашей жизни – это история... все зависит от того, как ты потом ее интерпретируешь...

Алессандро, застыв, смотрит на нее. Ники улыбается.

– Да не бойся ты! Пойдем!

Они идут к кассе. Ники вынимает кошелек, но он ее опережает:

– Не обсуждается. Это мой подарок.

– Послушай, я буду чувствовать себя у тебя в долгу.

– Ты полна предрассудков и предубеждений. С кем тебе приходилось до этого общаться? Будем считать, что это небольшое возмещение убытков утреннего ДТП.

– Вот именно, что небольшое. Еще скутер теперь ремонтировать.

– Я знаю, знаю.

Они снова выходят на виа дель Корсо, заполненную людьми.

– Смотри, сколько народу гуляет. У них нет денег, живут они далеко от центра, и это их единственное развлечение. Здесь играет музыка, есть метро, магазины, можно какое-нибудь представление посмотреть прямо на улице... видишь того мима? – Пожилой артист в белом гриме без конца меняет позы; ему в чашку падают мелкие монетки. – Или вон на того посмотри...

– Они подходят к толпе зрителей, окруживших старика в выцветшей одежде и в соломенной шляпе, на плече которого сидит жирная сорока. Человек, посвистывая, приговаривает: «Давай, Франсиз, давай... станцуй нам!»

Жирная сорока делает несколько шагов взад-вперед по вытянутой руке хозяина, выдерживая некий ритм.

– Молодец, Франсиз, а теперь поцелуй меня. – Сорока хватая клювом кусочек хлеба, зажатый в губах хозяина, и, аккуратно его вынув, проглатывает.

Ники радостно хлопает в ладоши:

– Молодчина, Франсиз, здорово!

Она достает мелочь и опускает в миску, стоящую на столике.

– Спасибо, спасибо... – Старик приподнимает шляпу, обнажая лысую голову.

– Здорово у вас получается! А сколько времени вам понадобилось, чтобы выучить ее?

– Вы шутите, синьорина? Это Франсиз меня всему научила. А я ведь даже свистеть не умел! – улыбается старик.

Ники смотрит на Алессандро:

– Ну же, не жмись, дай ему тоже что-нибудь!

Алессандро роется в портмоне:

– Да у меня только крупные...

– Ну и дай эту! – Ники вытаскивает у него пятьдесят евро и кладет в миску.

Алессандро не успевает остановить ее руку. Господин с сорокой замечает это и застывает, не в силах произнести ни слова. И улыбается Ники.

– Спасибо. Вот, возьмите, вставьте один кусочек в рот.

– Я? А это не опасно?

– Да нет! Франсиз умница. Держите.

Ники послушно кладет кусочек между губами. Франсиз проворно подлетает к ней и, паря в воздухе в миллиметре от рта Ники, осторожно вынимает хлеб. Ники, закрыв глаза, едва чувствует легкое прикосновение. Открыв глаза, видит, что сорока сидит на плече хозяина.

– Вот видите. У нее все получилось.

– Ур а! Молодчина! – Ники снова хлопает в ладоши.

Старик, улыбаясь, смотрит на нее. Потом, спохватившись, сует пятьдесят евро в карман: как бы Алессандро не передумал.

А Ники уже идет дальше. Алессандро догоняет ее, и она берет его под руку.

– Слушай, тут недалеко есть место на виа Лупа, где такую вкусную пиццу готовят! Как ты насчет кусочка пиццы? Или вот на виа Томачелли есть местечко, там обалденные бутерброды, у них еще классная терраса, откуда шикарный вид! Или вот на корсо Витторио можно салат съесть, ты любишь салат? Или, если хочешь, тут на углу вкусняющее мороженое, нет, лучше на пьяццу Арджентина – там обалденные фруктовые коктейли!

– Пьяццу Арджентина? Это же далеко...

– Да ладно тебе, мы же гуляем! Ну так как, идем?

– Куд а? Ты за две секунды восемь мест назвала!

– Хорошо, тогда коктейль! И давай так: кто войдет первым, не платит!

И она бежит, красивая, веселая, в своих узких джинсах, светло-каштановые волосы развеваются на ветру. И ее глаза: то синие, то зеленые, в зависимости от света. Алессандро стоит, не в силах оторвать от нее взгляд. И, словно отринув все проблемы и неурядицы, он быстро бежит за ней по виа дель Корсо. Прямо, все время прямо, потом – направо, к Пантеону. Люди смотрят на них: кто с любопытством, кто с улыбкой, кто-то оборачивается им вслед. Алессандро почти догнал Ники. Та, улыбаясь, то и дело оборачивается, чтобы убедиться, что он рядом.

– Молодец, я и не думала, что ты настолько в форме!

Алессандро делает вид, что хочет схватить ее за волосы:

– Погоди у меня!

Вдруг он останавливается, Ники оборачивается и тоже замедляет шаг. Алессандро достает из кармана телефон.

– Алекс, ты меня слышишь? Это Андреа, Андреа Солдини...

Алессандро переводит дыхание:

– Кто?

– Да ладно тебе, это твой менеджер по персоналу. – И чуть тише добавляет: – Тот, которого ты спас тогда, у себя на вечеринке с русскими девушками...

– Да понял я, понял. Что там случилось?

– Что с тобой, ты так тяжело дышишь...

– Да, я тут дышу людьми, это добавляет креативности.

– А-а-а, понял. Секс после обеда.

– Я еще не обедал. Ладно, что там случилось?

– Да ничего, просто я хотел сказать, что пересматриваю наши старые ролики и вдруг подумал: а что, если их смонтировать? Ты не заедешь сюда?

– Андреа, не заставляй меня пожалеть о том, что я тебя тогда спас. Созвонимся.

– А можно позвонить, если мне придет какая-нибудь еще идея?

– Ну, если только совсем невмоготу будет.

– О'кей, шеф. – Андреа вешает трубку.

«Не успел сказать ему самое главное, – думает Алессандро. – Терпеть не могу, когда меня шефом называют».

Тем временем к нему подошла Ники.

– Что случилось?

– Да ничего, это с работы, никак не могут без меня обойтись.

– Все вранье. Незаменимых нет.

– Ах так? Тогда кто проиграет, платит за кофе соспезо!

И Алессандро быстро убегает: он бежит вдоль Пантеона, пересекает площадь, мимо гостиницы, дальше – прямо. Снова звонит телефон. Алессандро сбавляет скорость, но не останавливается. Вынимает телефон. Смотрит на экран. Быть не может. Он оборачивается к бегущей следом Ники.

– Это ты мне звонила!

– Да! На войне как на войне, цель оправдывает средства. Я ведь из-за тебя вернулась назад, а ты так предательски рванул вперед? Кт о с телефоном на нас пойдет, от телефона и погибнет!

– Только я не попался на твою удочку! И ведь ты сама настояла, чтобы я записал твой номер!

– Ну вот, мы и квиты! Скажи только, что это за история с кофе соспезо? А то я платить не буду.

– Там на месте решим, будешь ты платить или нет... – И они весело бегут наперегонки до самого бара.

Глава двадцатая

– Я первый! – Алессандро касается рукой стеклянной двери.

– Конечно, ты же надул меня, несчастный обманщик!

– Ты просто не умеешь проигрывать!

Они стоят согнувшись, пытаясь перевести дыхание.

– Отличная пробежка, да?

– Да. Подумать только, я ведь играю в баскетбол и думала, обставлю тебя в два счета, иначе бы даже не начинала...

Алессандро выпрямляется, выравнивая дыхание.

– Вообще-то у меня дома беговая дорожка. Двадцать минут ежедневно...

– Если бы мы побежали во второй раз, ты бы проиграл.

– Конечно, теперь-то ты знаешь, что меня хватает только на двадцать минут... Секрет победы в том, что ты знаешь, когда вовремя встать из-за стола. В нужный момент. Играют-то все хорошо, а вот выигрывают единицы.

– Это твоя фраза?

– Не знаю, надо подумать. Не помню, может, и украл у кого-то.

– Excuse me... – Какие-то иностранцы пытаются войти и вежливо просят посторониться.

– Oh, certainly, sorry! – Алессандро отходит в сторону.

– А знаешь, со своей беговой дорожкой и всякими незаконными трюками ты меня обошел; зато английский – это мой конек. Можешь приглашать меня на международные переговоры.

Алессандро улыбается:

– Знаешь, как у нас говорили после футбольного матча? Победивший празднует, проигравший оправдывается.

– Понятно, понятно, плачу я. Я всегда плачу, когда проигрываю.

– Ладно. Тогда здесь платишь ты. Мне – коктейль из лесных ягод.

– А мне – киви с земляникой. Ну, так что это за история с кофе соспезо?

– Ладно, можешь не платить, раз уж ты об этом не знала. Так честнее будет.

– Давай рассказывай, я потом сама решу, платить мне или нет.

– Ух ты, как разгорячилась! Это оттого, что проиграла?

Ники пытается ударить его по ноге, но Алессандро ловко уворачивается.

– Ладно, ладно, сейчас расскажу, что это такое. Есть такая неаполитанская традиция. То есть в Неаполе народ с широкой душой, и когда кто-то приходит в бар, то платит за свой кофе и еще за один – для следующего, кто войдет в этот бар. То есть кофе соспезо – для того, кто не может сам себе его купить.

– Класс, мне нравится. А если вдруг бармен сделает вид, что ничего такого не знает? Прикарманит деньги, а тому, кто не может сам заплатить, ничего не скажет?

– Кофе соспезо основан на доверии. Я плачу за него, бармен берет деньги и тем самым обещает мне, что сделает все как надо. Но при этом надо доверять бармену. Это как на сайте продаж: я плачу и при этом уверен, что мне пришлют товар. Вот было бы здорово, если можно было бы так доверять людям в более важных вещах. А то иной раз нельзя доверять самому близкому человеку, не то что бармену...

Ники внимательно на него смотрит. Что-то в его голосе заставляет задуматься.

– Мне ты можешь полностью доверять.

Алессандро улыбается:

– Конечно, самое большее – страховку свою получу!

– Нет, самое большое – ты испугаешься.

– Чего?

– Того, что тебе придется снова поверить в то, во что ты верить перестал.

И они замолкают, погрузившись каждый в свои мысли, воспоминания, переживания. Из этого состояния их выводит громкий голос:

– Возьмите коктейли: для вас – киви с земляникой, с лесными ягодами – для вас.

Ники берет свой стаканчик. И, поглядывая на Алессандро, тянет коктейль через соломинку.

– М-м-м, какой вкусный... Тебе твой нравится?

– Очень.

– Какой он?

– Что значит «какой»?

– Что там внутри?

– А, ты должна была сказать не «какой он», а какого он вкуса. Мой коктейль из лесных ягод...

– Мама миа, ты еще хуже, чем моя училка по итальянскому, Бернади. Она так же занудно прикапывается. Ты же прекрасно понял, что я имела в виду.

– Ну это в самом деле зависит от того, что ты хотела сказать... Ты же знаешь: итальянский язык полон оттенков и интонаций. Именно поэтому его изучают во всем мире: на итальянском можно точно выразить то, что думаешь.

– Это верно. Ладно, ты не такой, как моя Бернади.

– Ну слава богу.

– Ты – хуже!

Она продолжает тянуть коктейль через соломинку. Выпив его, громко возит соломинкой по доньшку, пытаясь высосать все без остатка; на громкие звуки оборачиваются люди за столиками, Алессандро тоже насмешливо за нею наблюдает. Она достает со дна все до последнего кусочка.

– Вот блин.

– Ну, что еще такое?

– Да телефон. – Она вынимает его из кармана. – Я поставила его на вибрацию. Блин, это родители.

– Может, они просто хотят услышать твой голос.

– Да, как же... обычные три вопроса: где ты, с кем ты, когда вернешься. Алло! Мама, это ты? Как я рада тебя слышать!

– Где ты?

– Я немного по центру прошлась.

– А с кем ты?

– Да мы с Олли. – Дернув плечиком, она кидает взгляд на Алессандро, как бы говоря: «Ну вот, теперь еще и врать приходится».

– Ники, Олли только что звонила. Сказала, что ты не отвечаешь на звонки.

Ники возводит глаза к небу, шевеля губами: нетрудно догадаться, что за слово она произносит... Алессандро, ничего не понимая, смотрит на нее. Ники громко топает ногой.

– Да нет же, мама, я не так сказала. Я только что была с Олли, но она не хотела ехать в центр, и мы расстались. Я сказала ей, что еду домой, а потом передумала и поехала сюда одна. Скутер я забрала.

– Как так? Она сказала мне, что возила тебя на перемене к механику. Когда же ты успела его забрать?

Блин, блин, блин. Повторяется та же сцена, Алессандро понимает все меньше и меньше.

– Ну, мама, как ты не понимаешь? Это я ей так сказала, потому что мне не нравится, как она водит, я боюсь сидеть у нее сзади и поэтому не хотела с ней ехать.

– Ну ладно. Тогда с кем ты вернешься?

– Я тут встретила одного приятеля.

– Твоего парня?

– Нет, мама... С тем уже все кончено... Я же говорила, мы расстались. Это другой приятель.

– Я его не знаю?

– Нет, мама, не знаешь.

– А почему?

– Да откуда я знаю, мама; может, когда-нибудь ты его и узнаешь.

– Я знаю только одно: все, что ты говоришь, – сплошное вранье. Разве мы не обещали говорить друг другу правду?

– Мама, – Ники понижает голос и отворачивается, – я сейчас с ним. Мы не можем перенести этот допрос на более удобное время?

– Хорошо. Когда ты придешь?

– Скоро.

– Скоро – это когда? Ники, не забывай, что тебе надо заниматься.

– Скоро, мама, я же сказала – скоро. – Ники отключается. – Когда мама начинает, она становится такой занудой...

– Ху же, чем Бернарди?

– Они могли бы посоревноваться. – Ники оборачивается к официанту: – А можно повторить? Еще один с киви и земляникой. Ужасно вкусно.

Алессандро приканчивает свой коктейль и бросает пластиковый стаканчик в корзину.

– Ники, неужели ты еще возьмешь?

– Какая разница? Плачу-то я.

– Не в этом дело. Два коктейля – не слишком?

– Знаешь, похоже, есть только один человек, способный заткнуть за пояс и маму, и Бернарди.

– Думаю, я понял, о ком речь.

Ники идет к кассе. Алессандро опережает ее:

– Стой, я плачу.

– Нет уж, я проиграла, значит, я и плачу. Значит, три коктейля и еще один соспезо⁸...

Кассирша озадачена:

– Извините, мы не можем отложить коктейль.

– Да нет, сейчас я вам объясню. Я плачу за наши три плюс за один для того, кто придет, а у него не хватит денег на коктейль. И тогда вы скажете ему, что он уже оплачен, и приготовите его...

Ники кладет перед кассиршей десять евро. Та взбивает коктейль и дает ей сдачи два евро.

– Неплохая идея. Ваша?

– Нет, моего друга Алекса. То есть на самом деле это такая неаполитанская традиция. Теперь практически все зависит от вас.

– От меня? В каком смысле?

– Мы вам доверяем, понятно? Соспезо полностью в ваших руках.

– Конечно, я поняла. Я дам его тому, кто нуждается.

– Вот и прекрасно. – Ники берет свой коктейль и идет к выходу. Но на полпути останавливается: – Мы ведь еще можем и днем зайти, чтобы проверить... До свидания!

⁸ «Sospeso» по-итальянски – подвешенный, отложенный.

Алессандро, глядя на кассиршу, разводит руками: «Извините, такая уж она недоверчивая...» – и догоняет Ники.

– Мама учила меня: доверяй, но проверяй. И еще многим другим поговоркам научила.

И они идут, болтая о том о сем: о путешествиях, в которых они были, и о тех, о которых только мечтают, о праздниках, о кафешках, тех, что недавно открылись, и тех, что уже закрылись, да мало ли еще о чем, – совсем забыв о двадцати годах, которые их разделяют.

– Дашь попробовать свой коктейль? Наверное, он вкусный, раз ты два взяла.

– Держи.

Алессандро сдвигает соломинку и делает глоток прямо из стаканчика.

– Ух, ты правильно сделала, что еще взяла, он и вправду вкусный.

– Ты соломинку сдвинул, потому что такой брезгливый?

– Нет, это чтобы ты не рассердилась. Пить через одну соломинку – это то же самое, что целоваться.

Ники с улыбкой смотрит на него.

– Нет, это совсем другое. Совсем другое.

Они замолкают. И смотрят друг на друга. Ники снова протягивает ему стаканчик:

– Еще?

– Спасибо. – На этот раз Алессандро берет в рот соломинку. И пристально смотрит на нее. Очень выразительно.

– Вот... сейчас ты как будто меня целуешь.

– И тебе понравилось?

– М-м-м... неплохо. Поцелуй с привкусом киви и земляники!

Они смотрят друг на друга. И улыбаются. И на минуту вдруг становится непонятно, кто из них старше и опытнее. Вдруг звонит «моторола» Алессандро.

Ники фыркает:

– Ну, кто там? Снова с работы?

Алессандро смотрит на экран:

– Нет, хуже. Да, мама.

– Ты в офисе? У директора? На собрании?

– Нет, мама. – Алессандро прикрывает трубку рукой. – Моя много хуже Бернарди и твоей мамы, вместе взятых.

Ники смеется.

– Тогда где ты?

– На виа Корсо.

– А, по магазинам ходишь?

– Нет, по работе. Провожу исследование. Мы изучаем людей, чтобы лучше понять рынок.

– А-а, прекрасно. Отличная идея. Ведь на самом деле именно люди и выбирают товар, верно?

– Точно.

– Слушай, приходи в пятницу к нам на ужин. Будут твои сестры с мужьями и детьми. Можешь с Еленой прийти. Нам было бы приятно вас увидеть.

– Мама, не знаю, мне надо посмотреть ежедневник. Я очень занят.

– Ну, если ты целый день слоняешься без дела...

– Я же сказал: это рыночное исследование.

– Рассказывай это своим начальникам, а не мне. Наверняка гуляешь с этими своими друзьями-бездельниками. Короче, в пятницу вечером постарайся прийти. Хорошо? – И она кладет трубку.

Ники страшно удивлена:

– Ответь мне на один вопрос: сколько тебе лет?

– Тридцать шесть.

– А-а, я думала, тебе больше. По одежде, по поведению, по образованности.

– Смеешься надо мной, что ли?

– Нет, я серьезно... Вот интересно, когда мне будет тридцать шесть, моя мама по-прежнему будет меня доставать?

– Знаешь, придет время, и тебе будет не хватать этих доставаний.

Ники допивает коктейль и точно попадает стаканчиком в урну. Потом берет Алессандро под руку, и они спокойно идут дальше, неторопливо разговаривая обо всем на свете. И так доходят до стоянки. И здесь их ждет сюрприз: «мерседеса» на месте нет.

– Ё... у меня его увели!

– Да он не здесь стоял... По-моему, чуть дальше...

– Да нет, он здесь был. Я помню. Вот жуть! Машину увели средь бела дня, в центре, на виа делла Пенна... Бред какой-то.

– Да нет, знаете ли, бред – это пытаться ее здесь найти, – откуда-то сбоку раздается голос. Это полицейский, он слышал их разговор. – Вы припарковались в неподобающем месте. Что, знак не видели?

– Нет, не заметил. И где мне ее можно забрать?

– Ее увезли на эвакуаторе. Или к мосту Милвио, или в Олимпийскую деревню. – И, помахиная блокнотом, он удаляется в поисках новых жертв.

– Класс... И как нам отсюда выбираться?

– Очень просто. Пойдем! Всею тебя надо учить! – И Ники, взяв его за руку, тянет за собой.

Она бежит, он за ней – они перебегают пятачок дель Пополо и на ходу прыгают в маленький трамвайчик, что ходит по виа Фламиния. Они падают на сиденья, и Алессандро, запыхавшись, вынимает портмоне. Но Ники перехватывает его руку и шепчет:

– Мы скоро выходим.

– А если контролер войдет?

– Да нам одну остановку.

На самом деле им осталось две остановки. И именно на следующей входит контролер.

– Билеты, предъявите билеты.

Алессандро, качая головой, смотрит на Ники. Контролер уже подошел к ним:

– Ваши билеты.

Ники входит в роль. Она оправдывается на все лады, хлопает глазами, вещает о каком-то уже оплаченном штрафе, рассказывает небылицы про украденную машину, про только что законченную любовную историю, плетет о коктейле созрелости, указывающем на их щедрость, а значит, и честность. Но все напрасно. И два неоплаченных билета оборачиваются пятьюдесятью евро: именно на столько становится меньше в кошельке Алессандро.

– Я вам еще скидку сделал. Взял штраф только за одного безбилетного, видите?

Ну ни фиги себе, думает Алессандро. Я ему еще и спасибо должен сказать.

Как только они выходят, Ники хватается за руку и тянет за собой, а сама уже бежит куда-то, и он, запыхавшись, следует за ней. Они останавливаются перед зданием городского управления.

– Здравствуйте.... Мы пришли забрать машину.

– Где она стояла?

– На виа делла Пенна.

– Только что привезли. Это «Мерседес ML»? С вас сто двадцать евро плюс шестьдесят за эвакуатор. Всего сто восемьдесят.

Алессандро протягивает кредитку. Их пропускают на стоянку.

– Вот она! – Ники бежит к машине, Алессандро нажимает на кнопку сигнализации.

Ники прыгает в машину, Алессандро – за ней.

– Это приключение с тобой становится мне в копеечку. Если бы мы провели время как нормальные люди, может быть, я б сэкономил немного...

– Что ты говоришь? Деньги должны крутиться, это способствует развитию национальной экономики. И вообще, тебе бы стоило немного скрывать свои чувства. И еще: разве ты не креативный директор? Это исследование рынка: ты увидел много разных людей, у тебя появились новые ощущения, ты увидел другую реальность. И плюс к этому я тебе все же кое-что сэкономила.

– Что?

– Восемь евро за коктейли.

– Ах да! Как только у меня освободится место в фирме, возьму тебя бухгалтером.

– Поверни здесь, здесь направо.

– Ты хуже сломанного навигатора.

Они проезжают Чинепорто и оказываются на большой площадке, там нет ни одной машины.

– И что здесь такое?

– Ничего.

– Тогда что мы тут делаем? Сюда обычно приезжают влюбленные парочки.

– Да. И еще ученики автошколы.

– А мы к кому из них относимся?

– К последним. Ну давай, дай мне попробовать поводить твою машину.

– Ты шутишь, что ли?

– Слушай, не усложняй. Сейчас уже слишком поздно, чтобы ехать на работу. Мы уже за сегодняшний день изучили рынок, за смешные деньги я надавала тебе массу ценных советов. Тебе бы это стоило гораздо больше... Теперь ты побудь немного альтруистом. У меня уже есть права, дай мне немного попрактиковаться.

– Ладно. Только езжай потихоньку и не выезжай отсюда.

Алессандро выходит из машины и обходит ее спереди, глядя, как Ники пересаживается на водительское сиденье. Подстроив его под себя, ставит один из недавно купленных дисков и включает громкость. Она так быстро трогается, что Алессандро едва успевает закрыть дверь.

– Эй, помедленнее! Тише ты! И пристегнись!

«Мерседес» тормозит. И снова срывается с места. Ники пробует переключить скорость, но, перепутав педаль, тормозит.

– Эй, тут что, нет сцепления?

– Нет. Просто ручка, в которую ты вцепилась, как осьминог, не переключатель скоростей. Это называется автомат. Надо легонько поставить в положение Д.

– А, ну тогда он мне вообще не нужен.

Ники снова трогается с места, описывает дугу, жмет на газ. Она не заметила еще одну машину, которая только что въехала на площадку. Ники тормозит, но слишком поздно: она въезжает в машину, сбив ей передний бампер и процарапав крыло. Алессандро не успел пристегнуться: он бьется щекой о стекло.

– Боже мой, да ты просто несчастье какое-то! – Он трогает нос, ища следы крови.

– Там нет ничего, – говорит Ники. – Да ничего я тебе не сделала.

Алессандро уже ее не слышит. Он выскочил из машины, Ники – за ним следом.

– Эй, народ, куда вы смотрите? У меня было преимущество!

Из машины выходит мужчина.

– Что?!

Он высокий, крепкий, даже тучный, ему лет пятьдесят. Кулаки у него крепкие, пальцы узловатые. Короче, такой может за себя постоять.

– Вы чё, ребята? Шутите? Я был справа. Ты ж меня не видела. Ты ж мне в лоб въехала! Если б не тормознула в последнюю минуту, мы бы щас не базарили! Глянь только, чё ты мне сделала!

– Да, но вы не смотрели, куда едете. Я видела, вы разговаривали с соседкой. Из машины выходит женщина.

– Что это вы говорите? Мы даже рта не раскрыли!

Тут решает вмешаться Алессандро:

– Хорошо, хорошо, успокойтесь. Самое главное, никто не пострадал, верно?

Мужчина мотает головой:

– Я – нет. Джованна, а как ты? Ты не ударилась головой? Шея не болит?

– Нет, Джанфранко, нет.

– Вот и прекрасно.

Алессандро садится в машину, Ники – за ним.

– Нос распух?

– Да нет же, ты просто как огурчик. Слушай, по-моему, эти двое приехали сюда специально для этих дел. У них обручальные кольца, значит, у каждого есть семья. Если ты скажешь, что вызовешь полицию и будет составлен протокол, они испугаются и уедут.

– Думаешь?

– Точно тебе говорю.

– Ники...

– Что?

– До сих пор ты ни разу не оказалась права. Парковка, билет за проезд, эвакуатор... Теперь ты собираешься полицейским протоколом людей страшить!

Ники упирает руки в бока:

– А коктейли были вкусные?

– Очень.

– Вот видишь, кое в чем я попадаю в точку! Дай мне еще один шанс!

– Ну ладно.

Алессандро выходит из «мерседеса».

– Я думал, у меня страховка есть, но оказалось, нет. Давайте так: вызовем полицию, они разберутся, составят протокол...

Женщина смотрит на мужчину.

– Джанфранко, кажется, это может занять массу времени...

Ники радостно подмигивает Алессандро. Джанфранко задумчиво тербит подбородок. Тут вступает Ники:

– Учитывая ваше положение... короче, мы делаем вид, что ничего не случилось, вы уезжаете, и мы уезжаем.

Джанфранко в замешательстве:

– А машину кто мне чинить будет?

– Это издержки вашего положения, – смело говорит Ники.

– Да ты что, шутишь, что ли? Единственный раз мы выехали с женой, чтоб побыть вдвоем, отдохнуть от детей с их друзьями, и вот я нахожу наконец место, где можно спокойно пообщаться, а тут из-за тебя я должен чинить машину? Здорово придумала! Да я сам щас вызову полицию, и посмотрим, как все пойдет! И будем ждать, сколько нужно! Хоть целый год! – Джанфранко вынимает телефон и начинает набирать номер.

Ники подходит к Алессандро:

– О'кей, беру свои слова назад...

– Понятно.

– А у тебя есть страховка в машине?

- Да, я так сказал, чтобы поддержать твою блестящую идею о любовниках...
 - Ну тогда доставай ее.
 - Но они уже в полицию звонят!
 - Лучше будет, если ты ее достанешь. Давай!
 - Тогда они поймут, что мы блефовали.
 - Алекс, у меня еще нет никаких прав, и мне семнадцать лет.
 - О господи, что же ты мне не сказала?! Видеть тебя больше не могу!
- Алессандро ныряет в машину и вынимает из бардачка два листка.
- Джанфранко, смотрите! Я нашел страховку, как удачно!

Глава двадцать первая

Комната цвета индиго. Она снова сидит у стола. Как тяжело, будто земля из-под ног уходит. Надо все забыть. Иначе можно так и остаться на одном месте, делая вид, что продолжаешь жить... Но если так заканчивается любовь, была ли она настоящей? Мне жалко его. Не хочу, чтобы он страдал. Он этого не заслуживает. Он всегда был так внимателен ко мне. Так заботлив. Не очень ревнив. Вчера, когда я объявила ему о своем решении, я чуть не умерла. Он рассказывал о том, как провел день, о своей новой работе, о каникулах, которые хотел бы провести со мной в августе, чтобы отпраздновать получение аттестата зрелости. Она включает ноутбук. Кликает на желтую папку. И наудачу открывает файл.

«Закрыв глаза, он представлял себе, как разговаривает с этой нежной и удивительно красивой девушкой, сидящей рядом; на стенах висят картины, а на полках полно книг, все исполнено вкуса, и вокруг царит теплая и приятная атмосфера...»

Она перестает читать. И неожиданно для себя представляет себе эту девушку. И видит комнату, полную книг. Рассматривает картины. И ощущает мягкий свет, от которого девушка становится еще красивее. И видит его. Черты его лица напоминают ее парня, но совсем другие, какие-то новые, рожденные ее воображением. Кто-то сумел написать такие слова, что пробуждают в ней мечты. Как это верно. Как нам порой нужны мечты.

Глава двадцать вторая

Немного позже в машине. Алессандро что-то бормочет себе под нос.

– Что ты делаешь? Молишься?

– Нет, я подсчитываю свои расходы... штраф за машину, за бесплатный проезд, эвакуатор, эта авария... считай, я купил тебе новый скутер...

– Мамма миа, какой же ты душный...

– А ты просто невыносима, когда строишь из себя маленькую девочку.

– Да я и есть маленькая девочка! А ты, когда так говоришь, выглядишь еще младше, чем я...

В этот момент раздается звук сирены. Навстречу на всей скорости несется машина карабинеров. Ники открывает окошко в крыше и, высунувшись, кричит что есть силы:

– Да не гоните вы так, идиоты!

Машина карабинеров пролетает мимо. Алессандро хватается Ники за майку и затаскивает ее в машину. Она падает на сиденье.

– Сиди ровно. Что ты орешь?

Алессандро слышит скрежет колес. Смотрит в зеркало. Карабинеры резко остановились, скрипя колесами, развернулись на сто восемьдесят градусов и на всей скорости понеслись обратно.

– Ну вот, я так и знал. Молодец, нечего сказать. Теперь ты довольна? Пристегни ремень, сделай хоть что-то полезное! И молчи, прошу тебя!

Машина карабинеров, поравнявшись с ними, тормозит, и им делают знак остановиться. Алессандро, кивнув, медленно подъезжает к поребрику. Карабинеры выходят из машины, он опускает окошко.

– Добрый вечер.

– Добрый. Ваши права и страховку, пожалуйста.

Кивнув, Алессандро открывает бардачок. Достает документы и протягивает карабинеру. Второй тем временем осматривает машину.

– Все в порядке. Кажется... – говорит первый. Но документы не отдает.

– А что там кричала ваша девушка, когда мы проезжали?

– Да ничего такого...

– Извините, мне хотелось бы услышать это от нее самой.

Алессандро поворачивается к Ники. Она смотрит на него.

– Ничего. Я просто кричала, что тоже хочу быть карабинером. Мы же ничего не нарушили?

В этот момент другой карабинер подходит к окошку Алессандро. Они встречаются взглядами. И узнают друг друга. Только сейчас до Алессандро доходит. Карретти и Серра, те самые карабинеры, что приходили к нему прошлым вечером.

– Добрый вечер... Это снова вы... А девушка тоже русская?

– Нет, эта – итальянка, и, кроме всего прочего, она хочет служить в армии. Она очень вас уважает.

Альфонсо Серра даже не смотрит на нее.

– Держите документы. А она пусть больше не высовывается из люка. Это опасно и отвлекает водителей встречных машин.

– Конечно. Спасибо.

– И благодарите Бога, что нам сейчас сообщили о краже. А то... После вчерашней истории с русскими девушками теперь еще эта... – И, не дав ему ответить, оба карабинера прыгают в свою «Альфу 156» и срываются с места.

Алессандро заводит мотор и молча трогается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.